

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ

О ВѢДЬМАХЪ И УПЫРЯХЪ.

(Материалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населения Купянскаго уѣзда).

Предлагаемые рассказы о вѣдмахъ и упыряхъ получены нами одновременно въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ большею частію отъ учителей и учительницъ сельскихъ училищъ Купянскаго уѣзда, за исключеніемъ немногихъ рассказовъ, записанныхъ нами и другими лицами въ городѣ Купянскѣ.

Въ изложеніи и въ правописаніи мы строго держались рукописей и только относительно пунктуации и изображенія двугласнаго звука *и* позволили себѣ внести нѣкоторое однообразіе. Такъ, въ началѣ словъ и слоговъ, вмѣсто слога *и*, употребляется *и* съ соединенными острымъ и краткимъ знаками вверху надъ нимъ вездѣ, гдѣ звукъ *и* долженъ произноситься такъ, какъ онъ обыкновенно произносится въ словахъ: *и*хъ, *и*и, напр., *и*сты, *и*зайхаты. Живой народный языкъ въ своихъ говорахъ не вмѣщается въ принятія грамматическія формы. Въ немъ сохранились слѣды церковнаго языка; городъ и школа, сосѣдство и сожителство великороссовъ, судъ и отхожіе промыслы, — новыя условія гражданственности, вообще, обогатили его и новыми понятіями и новыми словами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внесли въ него новыя элементы, такъ сказать, броженія. Поэтому, исключивъ даже индивидуальныя особенности рассказчиковъ, мы все же найдемъ въ мѣстныхъ говорахъ признаки всѣхъ сказанныхъ вліяній, сообщающихъ языку рассказчиковъ неустойчивость въ звуковомъ и въ формальномъ отношеніяхъ. Чѣмъ и объясняется встрѣчаемое въ нашихъ рассказахъ колебаніе звуковаго состава словъ и ихъ флексій.

Изъ приведенныхъ ниже рассказовъ выходитъ, что, по мнѣнію мѣстныхъ крестьянъ — малороссовъ, существуетъ два вида вѣдмъ, имѣющихъ своихъ представителей между мужчинами и женщинами: вѣдмы и вѣдмачи прирожденные и вѣдмы и вѣдмачи ученые. Первымъ таинственная сила вѣдовства дается отъ природы, вторые приобрѣтаютъ ее или отъ первыхъ путемъ ученія или получаютъ ее отъ чертей взаимъ своей души. Первые

въ своихъ отношеніяхъ къ обыкновеннымъ людямъ проявляютъ нѣкоторыя черты доброжелательства; помогая однимъ въ болѣзняхъ или защищая другихъ отъ злокозненныхъ нападений своихъ злобныхъ сестеръ — ученыхъ вѣдьмъ. По такому характеру дѣятельности прирожденныхъ вѣдьмъ и вѣдьмачей ихъ часто смѣшиваютъ съ знахарками и знахарями, отъ которыхъ они, однако, существенно отличаются способностію къ превращеніямъ, каковой способности ни знахарки, ни знахари не имѣютъ. Притомъ природные вѣдьмачи (вѣдьмуны, вѣдьмаки) являются начальниками всѣхъ вѣдьмъ и вѣдьмачей ученыхъ своего околотка и называются упырями (опыряками). Хотя, впрочемъ, послѣднее названіе чаще относятъ къ блуждающимъ по ночамъ мертвецамъ, но при ближайшихъ распросахъ оказывается, что эти мертвецы — кровопійцы большею частію были при жизни вѣдьмачами или, по крайней мѣрѣ, большими грѣшниками, находившихся въ сношеніяхъ съ чертями. Ученые вѣдьмы и вѣдьмачи зловредитѣ природныхъ; на ихъ то счетъ и должно быть отнесено большинство сказаній о разнаго рода козняхъ и напастяхъ, причиняемыхъ вѣдьмами сельскому люду.

Чудесная способность къ превращеніямъ, ночные полеты, умѣнье, какъ говорить народъ, морочить, отводить глаза, страшный даръ господства надъ самой природой, отдающій въ распоряженіе вѣдьмъ и вѣдьмачей грозу, дождь, градъ, бурю и засуху, — качества эти ставятъ вѣдьмъ и вѣдьмачей въ глазахъ народа въ одинъ рядъ съ колдуньями и волшебницами, колдунами и волшебниками, такъ что по нашимъ разсказамъ нельзя указать какихъ-либо постоянныхъ отличительныхъ между ними признаковъ. Наконецъ, посмертная дѣятельность, оставленіе могилъ для ночныхъ посѣщеній жилищъ и нападенія на живыхъ людей, преимущественно же на дѣтей, съ цѣлью высасыванія изъ нихъ крови, пожиранія или умерщвленія ихъ, представляетъ вѣдьмъ — упырей близко родственными по дѣятельности, почти тождественными съ разными кровожадными существами — олицетвореніемъ смертоносной лавы или, просто, смерти.

Такимъ образомъ широкой розмахъ народной фантазіи захватилъ въ представленіи о природныхъ и ученыхъ вѣдьмахъ и вѣдьмачахъ оба великія начала жизни: начало добра и начало зла, въ ихъ вѣчнодлительной борьбѣ, и олицетворяетъ идеи дуализма въ изстари излюбленныхъ образахъ, умѣя и въ скромной обстановкѣ сельскаго быта отыскать слѣды ихъ борьбы. Притомъ, хотя свѣтлое начало обрисовывается слабѣе и блѣднѣе, чѣмъ противоположное ему, темное, выступающее обыкновенно рѣзче и ярче, однако и въ этихъ дико звучащихъ для современнаго слуха отголоскахъ старинныхъ вѣрованій мы находимъ въ основѣ вѣчную идеальную правду: торжество свѣта надъ тьмою вездѣ, гдѣ разсказъ не ограничивается сообщеніемъ одного какого-либо эпизода борьбы, а передаетъ весь ея ходъ.

Для правильности сужденія о выступающемъ въ сообщаемыхъ здѣсь разсказахъ міровоззрѣніи народа слѣдуетъ не упускать изъ виду сложности жизненныхъ условій, при кажущейся простотѣ ихъ, и помнить о томъ, что на образованіе у народа опредѣленнаго взгляда на извѣстные реальныя или фантастическія явленія, кромѣ традиціонныхъ повѣрій, оказываютъ свое превалирующее вліяніе и современныя религіозныя представленія, въ чемъ кажущаяся иногда двойственность взгляда и находитъ себѣ объясненіе.

Намѣтивъ въ общихъ чертахъ характеръ вѣдьмъ и вѣдьмачей-упырей по даннымъ изъ предлагаемыхъ разсказовъ, мы рѣшаемся прибавить еще нѣсколько словъ для указанія, на основаніи тѣхъ же данныхъ, условій, поддерживающихъ, по нашему мнѣнію, существованіе этихъ сказаній, при замѣтномъ уже скептическомъ отношеніи части теперешней крестьянской молодежи къ стариннымъ повѣрьямъ, вообще, и, въ частности, къ разсказамъ о вѣдьмахъ. Но спѣшимъ оговориться, что главная цѣль нашего труда заключается не въ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ о вѣдовствѣ и не въ подробномъ изученіи матеріала, представляемаго настоящими разсказами, а въ сохраненіи послѣдняго и отчасти въ простой группировкѣ его для облегченія работы надъ нимъ тому, кто пожелалъ-бы воспользоваться этимъ матеріаломъ для научныхъ обобщеній.

Большинство нашихъ разсказовъ передаетъ случаи изъ жизни вѣдьмъ, упоминая лишь иногда о томъ, что и вѣдьмачи-упыри дѣлаютъ или способны дѣлать то-же, что и вѣдьмы. Такъ между многими десятками разсказовъ о явленіяхъ вѣдьмъ въ разныхъ видахъ находится всего одинъ разсказъ о посѣщеніи крестьянскаго пира вѣдьмачемъ-упыремъ въ видѣ мотылька (см. х. Егоровка). Затѣмъ, повѣствуя о похожденияхъ вѣдьмъ, разсказы остаются вліяются преимущественно на вредной дѣятельности вѣдьмъ ученыхъ, отмѣчая лишь, что прирожденные вѣдьмы являются часто въ роли учительницъ, но что, несмотря на свои большія знанія и свою большую опытность, вѣдьмы учительницы меньше причиняютъ людямъ зла, чѣмъ ихъ вольныя ученицы. Сверхъ того, изъ тѣхъ же разсказовъ видно, что прирожденные вѣдьмы сдѣланное ими самими или учеными вѣдьмами зло спѣшатъ, при первой о томъ просьбѣ, исправить. Мало того: тамъ же мы находимъ, что природныя вѣдьмы пугаютъ крестьянскую молодежь иногда даже съ благою цѣлью удержать ее отъ предосудительныхъ поступковъ и неприличнаго поведения. Такъ, напр., старики — крестьяне возстаютъ противъ гульбищъ молодежи подъ праздники, и вѣдьмы раздѣляютъ повидимому этотъ взглядъ стариковъ, потому что вѣдьмы, какъ увѣряютъ старухи, пугаютъ собравшихся подъ праздники на улицу парубковъ и дивчатъ, чтобы они не нарушали своими пѣснями и весельемъ тишины, приличествующей святости наступающаго праздника. Хотя такое строгое отношеніе вѣдьмъ къ нару-

шителямъ церковныхъ уставовъ и идетъ, казалось бы, въ разрѣзъ съ ихъ собственнымъ поведеніемъ на шабашахъ, бывающихъ обыкновенно подъ самые большіе христіанскіе праздники; но въ этомъ случаѣ мы охотно присоединяемся къ той молодежи, которая вѣрить на слово своимъ многоопытнымъ старушкамъ. А вотъ и разсказъ одной дѣвушки о подобномъ случаѣ: „Разъ въ субботу пишла я на хуторъ съ подругою передъ вечеромъ туды, де хлопци и дивчата собираютьця наулицю. Идымо полемъ, балакаймо. Бачымо — на насъ шось биле бижить. Мы злякалысь и стали на мисти, а воно такъ шагивъ на пѣть не добигло до насъ, то жъ стало; постояло и не знать де дилось. А мы насылу добигли до хутора. Тутъ на краю була хатка, бабуса тамъ жыла, такъ вона намъ сказала, що то видьма насъ лякала, що грихъ пидъ неділю пиздно на улыцю ходыты“ (х. Малієвъ).

Старики также не любятъ, чтобы дѣвушки однѣ ходили въ церковь, особливо къ заутрени. И въ этомъ случаѣ у стариковъ всегда найдется соотвѣтствующій цѣли разсказъ, напр., о томъ, какъ вѣдьмы принимаютъ иногда на себя образъ подруги дѣвушки, являясь въ видѣ двойника ея. Такіе разсказы повторяются матерями, чтобы отбить у дочерей охоту самимъ, безъ стариковъ, ходить въ церковь или, вѣрнѣе сказать, къ церкви, такъ-какъ большинство крестьянской молодежи во время богослуженія находится не въ церкви, а около нея. Помѣщаемъ здѣсь разсказъ о такомъ явленіи двойника, записанный въ г. Куянскѣ. „Въ субботу увечери подруга подрузи и каже: „приходь до мене, сестра, завтра у досвита тай пидимо до церкви.“ А друга й каже: гарно, сестро, прійду. Ото вони попрощалыся и пишли та додому и друга додому. Отъ тамъ, де жила та дивка, шо клыкала, сили повечеряли, помолились Богу и полагали спаты. Да тилько заснулы первый сонъ, слушають, ажъ воно стукае пидъ викно. Матерь встала та й пытає: „хто тамъ?“ — Та будыть свою дивку: мы вчора зговорились до церкви иты! такъ и каже пидъ викномъ. А маты йй и каже: „та ще, моя дытыночка, рано, ще й не звонили.“ — Де тамъ: уже давно перезвонили. Отъ вони засвityли огонь и пустыли еи въ хату. Отъ та дивка встала и начала убиратьця до церкви. И такъ нынче вона чого боитьця и не хочиця йй до церкви иты та вже не сміє сказать подрузи, шо йй не хочиця. Ну ото вона надила нову сорочку, спидныцю нову, полизла на пичь достала онучи. А та подруга сыдыть на лави, а пидъ тыею лавою стоялы чоботы тій дивки, то вона и нагнулась за чобитмы, та якъ глянетъ на подружены ноги, а вони въ шерсти, такъ якъ у видмеда. Вона вже ны жива-ны мертва, та дивка. Отъ вона ото вбралася, отъ и пишли. Та, подруга иде впередъ изъ хаты и выйшла изъ синей на двирь, а ця иззаду за нею, та й въ синяхъ остановилась та й каже: „ой, сестричко, я забула платка“. Якъ хлопне дверьми та й заснула. А та тоди и крычить йй въ двери: „щастье твое, шо ты такъ отъ мене ухитрылась! бо

я не подруга твоя, а сама видьма. Я бѣ тебе научила, якъ до церкви склы-
катысь дивкамъ! Отъ тоди дивка вошла въ хату, а вона, видьма, тѣ жѣ саме
и въ вѣкно торохтыть. А батько и маты кажуть: „шо то ты до церкви ны
пишла“ — Та це, мамо, не подруга прыйшла, а видьма. Ото вона, та дивка,
раздяглася, зновѣ полягали спаты ужѣ и заснулы, такъ ажѣ тоди зачалы до
утрени звониты. Воны повстовали, засвѣтили лампадку и свѣчки, роспустилы
ладану и постановылысь Богу молитыця, шо ихъ дочку Богъ спасѣ. Ото воны
помолылысь Богу и ждали, ждали тѣи дивки, подруги дочки, — нымое. Та
уже прибигла у день та й пытае: „чы ты, сестричко, ны ходыла до церкви?“
— Ни, сестричко; а ты до мене приходила? „Ни, ридненька, я не приходила:
я спытала, а мене и не пустылы, кажуть: лучше пидемъ до обидни.“ А ня и
розказала, шо їй було. Подруга й каже: „ты не думай, сестричко, на мене,
я не приходила, — мене не пустылы.“

Полеты вѣдьмъ на шабашъ разсматриваются народомъ какъ актъ обя-
занности, возлагаемой на вѣдьмъ званіемъ ихъ, а потому нимало не мѣшаютъ
простому люду обращаться въ случаѣ нужды за помощью къ этимъ вѣдѣмъ
старухамъ и довѣрчиво относиться къ ихъ словамъ и совѣтамъ.

Вотъ какой случай былъ, говорятъ, лѣтъ 40 тому назадъ въ г. Купян-
скѣ: Одна женщина пришла къ своей сосѣдкѣ, старухѣ, слывшей вѣдьмою,
вечеромъ подѣ Пасху, когда вѣдьмы обыкновенно летаютъ на шабашъ. На-
чали звонить въ церквахъ, старуха стала одѣваться; сосѣдка спрашиваетъ
ее: „до церкви одягаетесь, бабусю?“ — Ни, моя дочко, не до церкви, а треба
лититы. „Куды, бабусю?“ — Луче и не пытай, треба; хочъ ны хочъ, а треба.
„А вы бѣ, бабусю, пишлы до церкви, Богу помолылысь, — такъ вамъ ничего
и не вдють.“ — Ни, мое сердце, не можно: не полечу, сами являтыця, озьмутъ
мене и горе буде мини! треба лититы. „А можно мини поглядиты, якъ вы,
бабусю, политите?“ — Чомъ ны можно, — можно. Вышли въ сѣни; старуха
стала пидъ бовдуръ и вдругъ, какъ дымъ, вылетѣла изъ трубы.

Въ народныхъ разсказахъ о вѣдьмахъ иногда смѣшиваютъ благотвори-
тельныхъ вѣдьмъ и упырей съ знахарками и знахарями по роду дѣятельности
ихъ или по находящимся у нихъ принадлежностямъ. Напр., у знахарокъ и
знахарей, занимающихся ворожбою, особенно важное значеніе придается
изъ картъ пиковой шестеркѣ. Ту же карту непременно имѣютъ и всѣ
вѣдьмы (сл. Калинова), такъ какъ она помогаетъ имъ не только въ рѣшеніи
вопросовъ о будущемъ, но и въ ихъ превращеніяхъ. Что-бы карта получила
такія необыкновенныя качества, для этого, идя на Свѣтлый праздникъ въ
церковь, вѣдьма беретъ въ карманъ шестерку пикъ и стоитъ съ нею во
время Богослуженія. Когда священникъ, выйдя изъ алтаря съ крестомъ въ
рукахъ, обротяся къ прихожанамъ, скажетъ: Христосъ Воскресе, а всѣ на-
ходящіеся въ церкви люди отвѣтятъ ему: Воистину Воскресе, вѣдьма въ это

время тихо произносить: „у мене въ кармани карта ё.“ И такъ повторяетъ она эти слова каждый разъ въ отвѣтъ на слова священника: Христось Воскресе. Черезъ такое кощунство шестерка пикъ приобретаетъ таинственную силу, впрочемъ, въ точности рассказчикамъ неизвѣстную.

Вѣщее знаніе даетъ природнымъ вѣдьмамъ и упырямъ, какъ равно и знахаркамъ и знахарямъ, силу предупреждать и уничтожать всѣ адскіе ковы злыхъ вѣдьмъ. Это мы видимъ, напр., въ рассказѣ о дочери купца — ярытницѣ, гдѣ спасительницею молодого человѣка является бабушка его, которая, впрочемъ, не названа вѣдьмою, но мы должны по ходу дѣла признать ее таковою. Въ подтвержденіе своего заключенія ссылаемся на рассказъ о дочери купца и дьячкѣ, приведенный у Чубинскаго (см. т. I., стр. 200 — 203), гдѣ избавительницей дьячка отъ молодой вѣдьмы является старая вѣдьма. По инымъ рассказамъ въ роли покровителей, защитниковъ и спасителей людей отъ казней ада выступаютъ то знахари, то вѣдьмачи-упыри, то старые колдуны, то христіанскіе святые и даже самъ Богъ. Такъ въ нашихъ рассказахъ дяди-знахарь помогаетъ своему племяннику-портному избавиться отъ молодой ярытницы, чумахъ-знахарь защищаетъ новобрачныхъ отъ старой вѣдьмы; старый колдунъ возвращаетъ человѣку, превращенному своей злой женой въ воробья, прежній его человѣческій образъ и предоставляетъ ему средства къ исправленію жены. Для сличенія указываемъ на рассказъ у Драгоманова: „видьма та видьмачъ“ (Нар. пред. стр. 71), на сказку у Рудченка: „Упырь и Миколай“ (Нар. южн. русск. сказки, 6.2. стр. 27) и на рассказъ у Манжуры: „Видьма“ (Сборн. харьк. ист. фил. общ. т. 2, стр. 136). Въ послѣднихъ двухъ сказаніяхъ покровителями и спасителями являются не знахари, а св. Николай и самъ Богъ. Такое замѣщеніе сказочныхъ благодѣтельныхъ личностей лицами христіанскаго культа не представляетъ ничего выходящаго изъ ряда обычныхъ пріемовъ въ произведеніяхъ народнаго слова: въ любомъ изъ сборниковъ народныхъ сказокъ можно указать нѣсколько примѣровъ перехода сказки въ легенду и, наоборотъ, легенды въ сказку.

Способность вѣдьмъ къ превращеніямъ, по народнымъ рассказамъ, безгранична. Вѣдьма можетъ принять видъ иглы и конны сѣна, мухи и лошади, медленно ползущаго бревна и быстро несущагося вихря. Чѣмъ же и какъ объясняютъ крестьяне такую удивительную способность вѣдьмъ? Большинство видитъ въ этомъ искусствѣ умѣнье вѣдьмъ, при помощи нечистой силы, отводить глаза, морочить, меньшинство признаетъ, что подвергается превращеніямъ не тѣло вѣдьмы, а душа ея, что тѣло ея остается дома бездыханнымъ въ то время, когда блуждающая душа мѣняетъ свой образъ, являясь людямъ въ разныхъ видахъ. Переворотилъ, напр., солдатъ тѣло вѣдьмы, ушедшей на промыселъ, головою туда, гдѣ лежали ноги, и возвратившаяся съ ночныхъ

похожденій душа ея начинаетъ ходить и летать вокругъ да около „то курою, то гускою, то мухою, то пчелою,“ чтобы какъ-нибудь попасть въ свою тѣлесную оболочку, однако, не можетъ войти въ нее, пока тѣло не было приведено въ положеніе то, въ какомъ его оставила душа, когда ушла странствовать (см. сл. Тарасовка). Большинство же расказчиковъ въ опроверженіе заключенія о превращеніяхъ одной души ссылается на общепризнанные случаи и всѣмъ, молъ, извѣстные факты, когда, вмѣсто пойманной и отпущенной съ обрубленными лапами собаки, подкованной лошади, поднятой на дорогѣ и воткнутой съ ниткой въ стѣну иглы, оказывается не духъ безтѣлесный, а телѣсная, чувствующая боль женщина-вѣдьма, съ отрубленными на рукахъ пальцами, или съ подковами на рукахъ и ногахъ, или съ продѣтой въ уши ниткой. Разъясненіе подобнаго противорѣчія во взглядахъ крестьянъ на самую типичную сторону, характеризующую полудемоническую натуру вѣдьмъ, выходить, по своей сложности, за предѣлы нашей задачи и нашихъ средствъ, но, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не интересно уже и то одно, что по народнымъ разсказамъ чортъ и его слуги оказываются въ концѣ концовъ посрамленными не смотря на всѣ сверхъестественныя силы, находящіяся въ распоряженіи ихъ? Возьмемъ нашихъ вѣдьмъ,—кто только не колотитъ ихъ, не потѣшается надъ ними?! и казакъ, и солдатъ, и чумаки, и кузнецъ на правахъ знахарей всячески глумятся и издѣваются надъ вѣдьмами. Каждый мальчишъ-первенецъ можетъ избить вѣдьму первой попавшейся ему подъ руку палкой, да и каждый человѣкъ, вооружась осиновымъ коломъ или притыкой изъ плетня, получаетъ власть надъ вѣдьмой и смѣло можетъ наносить ей удары, а храбрецу такъ тому не нужно противъ вѣдьмъ ни какихъ талисмановъ: бей ее только наотмашъ да хватай за волоса лѣвою рукой, а затѣмъ таскай ее вволю: не посмѣетъ и пискнуть, а не то что сопротивляться. А что народъ вездѣ умѣетъ бить, объ этомъ нечего и распространяться. Лѣтъ 30 тому назадъ показывали намъ въ г. Купянскѣ старуху съ совершенно обезображеннымъ шрамами лицомъ, и говорили, что она вѣдьма, а пострадала при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Поздно вечеромъ везъ крестьянинъ по Колонтаевской улицѣ на мельницу рожь въ мѣшкахъ, видитъ—бѣжитъ за саями большущая крыса да все старается вспрыгнуть на мѣшки. Сколько не отгонялъ ее мужикъ отъ саней, не могъ прогнать, такъ вмѣстѣ съ крысой и доѣхалъ до мельницы. Разсказалъ здѣсь мирошнику о чудной крысѣ, а тотъ ему и говоритъ: „знаю я, что это за крыса! Надоѣла она мнѣ хуже горькой рѣдьки. Постой, не будетъ больше таскаться сюда.“ Взялъ да и поймалъ эту крысу. Внесъ ее въ сукновальню, бросилъ въ ступу и приказалъ ударить пестомъ три раза, а потомъ выбросить за греблю. На утро нашли около гребли женщину, всю окровавленную, съ страшно изуродованнымъ лицомъ и перебитой

рукой. Такъ поступаетъ народъ съ вѣдьмами, попавшимися къ нему въ руки; тутъ и таинственная сила чародѣйства оказывается несостоятельной.

Чтобы изловить вѣдьму, выдаивающую коровъ, засѣдаютъ для этого обыкновенно за бороною; причемъ засѣвший или поймаешь вѣдьму, или просидитъ до утра въ своей засадѣ, загнипотизированный словами вѣдьмы. Въ первомъ случаѣ онъ зачисляется общественнымъ голосомъ въ разрядъ знахарей, хотя пойманная имъ вѣдьма оказывается чаще всего какой-нибудь бѣдной вдовой или сосѣдкой—солдаткой. Во второмъ случаѣ, конечно, виноватъ самъ ловившій: не спросая броду—не суйся въ воду,—не зная подходящихъ заклинаній, нечего было и храбриться.

Мы допускаемъ возможность гипнотическаго внушенія какъ со стороны лицъ, ворующихъ по ночамъ у коровъ молоко, такъ и со стороны лицъ, разыгрывающихъ роль знахаря. Нѣкоторые изъ стариковъ-солдатъ, служившихъ еще въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ, признавались намъ въ томъ, что имъ не разъ въ теченіе своей службы приходилось выдаивать чужихъ коровъ, изображая изъ себя вѣдьмача. А что и въ наше время во всякой свободѣ найдется женщина, и не одна, промышляющая воровствомъ молока,—противъ этого трудно спорить. Но если, съ одной стороны, воровство молока составляетъ реальную основу разсказовъ о вѣдьмахъ и вѣдьмачахъ, то, съ другой,—гдѣ же лежитъ неизсякаемый источникъ сказаній о явленіяхъ этихъ духочеловѣковъ въ разныхъ видахъ?—Настроенное традиціонными разсказами воображеніе человѣка, находящагося въ возбужденномъ состояніи, — а въ такомъ состояніи безъ сомнѣнія, и находится каждый изъ крестьянъ, засѣвший ловить вѣдьму,—легко переходитъ въ галлюцинацію; во вторыхъ, хвастовство лицъ, слывающихъ знахарями и приписывающихъ себѣ подвиги древнихъ полубоговъ и сказочныхъ героев въ современной, соотвѣтствующей обстоятельствамъ обстановкѣ, и, наконецъ, разсказы бабушекъ и дѣдушекъ, наивные, но не всегда безхитростные,—вотъ тѣ ключи, конечно не всѣ, которые изобильно питаютъ своими мутными водами широкую рѣку народныхъ суевѣрій.

Что душа человѣка сохраняетъ и по смерти его свой тѣлесный образъ—это есть общераспространенное вѣрованіе; но что она есть существо матеріальное, въ такомъ вѣрованіи народа мы видимъ остатокъ архаическаго воззрѣнія на природу человѣка, воззрѣнія, находящаго себѣ достаточную пищу въ разныхъ поучительныхъ легендарныхъ сказаніяхъ. По этимъ сказаніямъ выходитъ, что душа обладаетъ всѣми физическими свойствами матеріальнаго существа, такъ какъ она говоритъ, ѣстъ, пьетъ, чувствуетъ боль ударовъ и сама можетъ наносить ихъ другимъ. И если, по словамъ древняго поэта, къ Одиссею слетались тѣни умершихъ, чтобы напиться крови зарѣзанныхъ имъ барановъ, а онъ своимъ мечемъ удерживалъ эти тѣни на приличномъ разстояніи отъ ямы съ кровью, то и существующее нынѣ въ народѣ

повѣрье о томъ, что наши умершіе вѣдьмы и упыри лакомы до крови, не представляет ничего поразительнаго, равно какъ и вѣра въ охранительную силу желѣза. Все это не болѣе какъ извѣстныя формы переживанія, памятники древняго умственного состоянія народа, характеризующіе отчасти и нынѣшнее міровоззрѣніе его.

Вѣдьма — это женщина, доящая по ночамъ чужихъ коровъ и портящая ихъ. Таковъ общій отвѣтъ крестьянъ на вопросъ: что такое вѣдьма? Одни называютъ ее при этомъ „волоцогой“, потому что она вездѣ волочится, таскается по ночамъ; другіе — „нечистой“, потому что она знаетъ съ „нечистою силою“ и дѣлаетъ нечистыя дѣла; третьи — „поганью“ или „пананкою“, потому что всѣ вѣдьмы отличаются, по словамъ крестьянъ, натурой страстной, всѣ онѣ чувственны, похотливы, называютъ вѣдьму „малою личиною“, потому что она способна принимать разные образы и въ такомъ видѣ дѣлать людямъ различные пакости, и, наконецъ, называютъ ее просто „видьмою, видюгою, видьмачкою“ то какъ одаренную способностію узнавать сокровенное, тайное для простыхъ смертныхъ, то какъ подругу „вѣдьмача, опираки“ то есть, главнаго начальника надъ вѣдьмами.

Пожилыя вѣдьмы имѣютъ опредѣленныя, характерныя черты, по которымъ ихъ легко отличить среди другихъ старухъ; молодыхъ же вѣдьмъ трудно по одному внѣшнему ихъ виду или по наружности ихъ узнать между другими обыкновенными женщинами; только страстность натуры, влюбчивость выражающаяся въ открытомъ ухаживаніи за молодыми парнями, выдаетъ ихъ. Такихъ, отличающихся похотливостію, молодыхъ вѣдьмъ называютъ также „еретницами“, или „прытницами“, причемъ имъ обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ придается характеръ волшебницъ, чаровницъ.

Вотъ какъ описываетъ, со словъ крестьянки, наружность вѣдьмы учитель начальнаго училища въ сл. Кабаньей, П. М. Марусовъ: Пожилая женщина, чаще старуха, высокая, тонкая, худая, костлявая, нѣсколько сгорбленная, растрепанные или выбившіеся изъ-подъ платка волосы, большіе, съ сердитымъ выраженіемъ, глаза, желтые или сѣрые, косой изъ-подъ насушен-ныхъ бровей взглядъ, всегда въ бокъ, а никогда прямо въ глаза другому человѣку; въ зрачкахъ „мальчики“ головою внизъ (сл. Араповка); ротъ широкій, губы тонкія, подбородокъ выдавшійся впередъ, руки длинныя. Таковъ портретъ старой вѣдьмы, нарисованный — крестьянкой. Затѣмъ, у прирожденной „родимой“ вѣдьмы всегда есть небольшой подвижной хвостъ и черная вдоль спины полоска волосъ „черна стежка“ отъ затылка до пояса.

Для того же, чтобы вполне убедиться, что слышущая за вѣдму женщина есть действительно настоящая вѣдма, для этого рекомендуются слѣдующіе приемы и средства:

1. Проходя мимо группы женщинъ, стоитъ только сложить „дулю“ и положить ту руку себѣ подъ мышку, то, если между собравшимися женщинами будетъ вѣдма, она непременно начнетъ браниться. Этотъ приемъ оказывается особенно дѣйствительнымъ, если употребить его на Свѣтлый праздникъ. „Якъ идешь по юлыци на самый Вылыкдынь, то возьми дулю стулы и пидь плыче положи и тымъ плычемъ повырнись до бабъ, де вони сыдятъ, бысидуютъ,—та изъ бабъ, яка видма, буде ругаты тебе и скаже: на чортового батька ото мини дули даешь?—виднись своему батькови!“ Другіе говорятъ, что нужно сложить не одну, а двѣ дули, и положить правую дулю подъ лѣвую мышку, а лѣвую—подъ правую,—въ результатѣ брань вѣдмы (сл. Араповка).

2. Достаточно, проходя по той улицѣ, гдѣ живетъ вѣдма, плюнуть назадъ, чтобы она тотчасъ же выскочила изъ своего двора на улицу.

3. Полить теплымъ, свѣжимъ изъ-подъ коровы молокомъ соръ на дворѣ, — вѣдма немедленно прибѣжитъ на то мѣсто, потому что иначе „вона такъ нудытымытця, шо хвора зробытця (сл. Ново-Николаевка).

4. Налить на сковороду молока той коровы, которую доить или которую испортила вѣдма, и поставить сковороду на огонь,—вѣдма тотчасъ явится, потому что по мѣрѣ того какъ будетъ согрѣваться на сковородѣ молоко, будетъ постепенно вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаться у вѣдмы внутренній жаръ. (Сл. Калинова) Войдя въ хату, вѣдма, или вѣдмачъ, будетъ усиленно просить позычыть ей чего нибудь, но на эти просьбы неслѣдуетъ обращать ни малѣйшаго вниманія; тогда она станетъ убѣдительно просить вынуть изъ печи сковороду, не мучить ея,—скажетъ, что у нея все внутри такъ горитъ и кипитъ, какъ кинитъ на сковородѣ молоко. Тогда дѣлай съ вѣдмой что хочешь: она поклянется никогда больше не заглядывать въ загороду, гдѣ коровы, и вылѣчить испорченную. Другіе (сл. Кабаня) совѣтуютъ вылить вскипяченное на сковородѣ молоко подъ порогъ, вѣдма немедленно появится на порогѣ и скажетъ: „на шо вы мучыте худобу?“

5. Въ теченіе Великаго поста бросай каждое воскресенье, начиная съ сыропуста, по одной палочкѣ на печь за коминъ, а на Свѣтлый праздникъ, пришедши изъ церкви, собери всѣ семь палочекъ, брошенныхъ на печь, и зажги ихъ на припечкѣ,—вѣдма явится просить огня (сл. Н. Николаевка).

6. Если пожелаешь, чтобы къ тебѣ пришла вѣдма, возьми въ ротъ сырой вареникъ, ложась спать, продержи его, не вынимая, цѣлую ночь во рту и тогда на утро придетъ къ тебѣ вѣдма и будетъ сидѣть у тебя до тѣхъ поръ, пока не дашь ты ей куска хлѣба (г. Куянскъ).

7. На заговѣны предѣ Великимъ постомъ надо выдолбить изъ вареника сырѣ, и положить его за щеку и переночевать съ нимъ, а утромъ вынуть и завязать его въ поясѣ. Потомъ въ теченіи поста побывать съ тѣмъ сыромъ въ церкви 12-тъ разѣ и, наконецъ, пойти, имѣя его въ поясѣ, подѣ Пасху къ заутрени. При обхожденіи вокругъ церкви, вѣдьма подойдетъ и будетъ просить сыру (сл. Тарасовка). Или (г. Купянскъ) въ это время, при звонѣ во всѣ колокола, войти въ колокольную съ тѣмъ сыромъ во рту и смотрѣть оттуда на народѣ, можно увидѣть тогда всѣхъ мѣстныхъ вѣдьмъ: бабы съ доенкой на головѣ, бабы съ доенкой въ рукахъ, собаки съ доенкой въ зубахъ будутъ проходить мимо вмѣстѣ съ торжественной процессіей вокругъ церкви и тамъ же среди народной толпы будутъ двигаться копы сѣна, идти кошки, свиньи, катиться колеса, бѣлые клубки, — короче сказать вѣдьмы явятся въ тѣхъ видахъ, какіе принимаютъ онѣ на себя во время своихъ ночныхъ походовъ.

„Одинъ салдаты, щобъ узнати стике видѣмъ въ тимъ сыли, де винъ жывѣ, здилавъ такъ: взявъ на остатнимъ тыждни масляници вечеромъ замишывъ великый вареникъ зъ житной муки и злишывъ его съ сыромъ и поставывъ его варыты. Зварыный вареникъ салдаты переломывъ на двое, хлѣбъ изъ вареника заразы зывѣ, а сырѣ взявъ положывъ въ ротъ ѣ державъ его въ роти до другого дня. На другій день вставъ салдаты ще до свита, вынувъ изъ рота сырѣ, завязавъ въ платокъ и повисывъ на гвиздку, и якъ въ церкву ѣшовъ пидѣ Свитле Христово Воскресенье, то ѣ сырѣ взявъ съ собою. Тике шо винъ ввійшовъ въ церкву, якъ до его пидходе стара жинка и говоре: „слухай, мылый салдатыкъ, отдай мини то, шо ты держышь!“ Салдаты ии и спрашуе: а шо я держу? А видѣма отвичае: „то, шо ты державъ сегоднышню (?) ничѣ въ зубахъ“. И при сихъ словахъ подае ему цилый кошелекъ грошей за сырѣ. Пидишло ще шистъ видѣмъ и вси начали здорово прохаты его, уважыты ихній просьби: отдать имъ сырѣ. Но салдаты рышывся отдать его тико за шанку-невыдумку. Видѣмы согласылись на прозѣбу салдата, и старша изъ ныхъ заразы здилалась *кишкою* и побигла за шапкою. Черезъ никоторе время явилась опять и подала салдату шанку-невыдумку, за которую и получила сырѣ. Съ того часу той салдаты здорово розбогативъ“ (г. Купянскъ).

8. Вмѣсто сыру можно взять въ ротъ, идя въ церковь на страсти, узелокъ маку, — вѣдьма подойдетъ и будетъ просить выбросить его изо рта.

9. Или „вѣдьму можно взнати пидѣ Вылькденѣ: якъ стануть дочитуватьця до Хрыста, — кожна видѣма поспиша ухватывъця за дужку дверей. Дывысь, яка ухватывалась, то ѣ видѣма“ (сл. Колодежная).

10. Если коро́ва испорчена весною предѣ пасхой, то хозяйкѣ испорченной коро́вы слѣдуетъ только приготовить квашу и поставитъ ее варить на

„Вылькдень,“ чтобы къ ней явилась вѣдьма, испортившая корову. Вѣдьма войдетъ въ хату и тотчасъ спросить: „шо ты, кума, варышт?“ (сл. Кабанья).

11. Чтобы узнать между женщинами вѣдьму, нужно спрятать на Тройцу тотъ колышекъ, которымъ дѣлають въ землѣ дыры для клечанья, а на Пасху принести его въ церковь и, когда люди будутъ выходить изъ церкви, выставить изъ рукава конецъ колышка. Насколько выдвинешъ кончикъ колышка, настолько и вѣдьма высунетъ языкъ изо рта и будетъ съ высунутымъ языкомъ осматриваться кругомъ, стоя у дверей. Впрочемъ, что у нея высунутый языкъ, этого никто, кромѣ держащаго колышекъ, не будетъ видѣть.

12. Если подозрѣваешь какую нибудь женщину, что она вѣдьма, то, увидѣвъ ее входящую въ хату, обрызни передъ нею на порогъ іорданской первой непочатой воды или напиши на порогъ крестъ, то, если эта женщина дѣйствительно вѣдьма, она ни за что не переступитъ черезъ порогъ и не войдетъ въ хату. „Була у мене сусидка, ии запримитылы, неначе вона видьма. Хлопци ии въ праву середу били колодца облылы водою, якъ воду освящали. Вечери дощъ пишовъ, а вночи у тыхъ хлопцивъ пыкы хтось перекалявъ не знать чымъ—не пры васъ будь сказано. А вона у мене сыто брала въ позычкы; я и стережу, колы вона его мини прынесе, думаю, сама за нымъ не пиду. Якъ побачыла, шо вона нысе сыто, заразы на порози хрестъ крейдою и написала, та не по сыредыни, а такъ били пяткы. Сусидка двери видчыныла, та порогу й не перешагне, и каже: „возьмитъ, спасиби вамъ, сыто!“ А я ий кажу: „зайды въ хату, положи сама на столи.“ Вона якъ бросе сыто на середь хаты, а сама и побигла и бильшь до мене не прыходила (сл. Тарасовка).

13. Якъ узаты на Ивана Купала лыпову хворостыну и гнаты ею въ череду корову, то вѣдьма пидійде и буде прохаты цю хворостыну (сл. Колодежная). Въ г. Купянскѣ говорятъ, что выгонять коровъ, и скотъ вообще, ни въ какомъ случаѣ не должно липовой хворостиной, а всегда слѣдуетъ употреблять для этого ясеную, потому что отъ первой коровы худѣють, становятся ободраннами, а отъ второй гладкими, жирными.

14. Женщина, пришедшая подъ Ивана Купала къ костру просить огня,—вѣдьма.

Вѣдьмы не участвуютъ въ крестныхъ ходахъ на воду, особенно на Крещеніе; вообще не любятъ воды; во время дождя бываютъ больны; купаются въ рѣкѣ лишь тогда, когда при солнцѣ идетъ дождь; отказываются отъ кумовства, а если вѣдьма согласится быть восприемницей, то или сама во время крещенія ребенка заболѣетъ или ребенокъ, чаще же послѣдній при погруженіи его въ воду умираетъ на рукахъ священника.

Различаютъ вѣдьмъ прирожденныхъ „родимыхъ“ и вѣдьмъ ученыхъ „робленыхъ.“ Первые то и имѣють хвостъ и черную смугу вдоль спины отъ

затылка до пояса; у робленыхъ же нѣтъ ни хвоста, ни смуги. Родимыя вѣдьмы считаются выше, важнѣе робленныхъ потому, что онѣ могутъ не только причинять вредъ, но и исправлять его, будетъ ли онъ сдѣланъ ими самими или другими, безразлично; между тѣмъ какъ ученая вѣдьма можетъ натворить много пакостей, но не въ силахъ поправить разъ сдѣланнаго зла. Говорятъ: „родыма робе урону меньше, а знае бильше.“

Передаютъ за достовѣрное, что въ сл. Кабаньей и въ наше время можно еще услышать, когда поссорившіяся женщины начнутъ браниться, такія слова: „мовчи! ты роблена видьма, а я рождена: я важница видѣ тебе, и бильше тебе знаю!“

Откуда же и какъ „робленая“ вѣдьма приобретаетъ свое вѣдовство?

„Робленая“ вѣдьмы учатся своему искусству у „родимыхъ“ вѣдьмъ, у вѣдьмачей, иначе „опиракъ“, атамановъ надъ вѣдьмами, и, наконецъ, непосредственно у самихъ чертей. При изученіи таинственной науки вѣдовства употребляютъ обыкновенно, по общепринятому мнѣнію, какую-то мазь, которая сообщаетъ лицу, помававшему у себя известную часть тѣла его, способность летать; переворачиваются черезъ натянутыя веревки или воткнутый въ землю ножъ, вообще же отрекаются отъ Христа и вступаютъ въ сношенія и въ договоры съ чертями, что и выражается прежде всего поруганіемъ, оскверненіемъ своего креста или иконы и хлѣба: эти дѣйствія совершаются обыкновенно ночью на средокрестной дорогѣ или на берегу рѣки, или на лотокахъ у мельницы, то есть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по народному вѣрованію, преимущественно обитаютъ черти.

„Видьмы вчатьця у старыхъ родимыхъ видѣмъ, одна у одній. Якъ иде жинка вчатьця видьмуваты, то вона знима зъ себе хрестъ и кладе въ чобитѣ пидъ подошву, — це и значить що вона одъ хрыста видеступе“ (сл. Колодежная).

Женщина, желающая сдѣлаться вѣдьмой, должна взять икону Божіей Матери, которой она была благословлена родителями при выходѣ замужъ, пойти съ нею въ темную ночь подъ водяную мельницу и тамъ, положивъ икону на землю, потоптать ее ногами. При этомъ надо прочитать три раза „Отче нашъ“ наоборотъ: начиная „отъ лукаваго“ и кончая словомъ „отче.“ Когда все это будетъ продѣлано, баба при помощи нечистой силы становится вѣдьмой и можетъ дѣлаться по своему желанію то собакой, то кошкой, то конной и т. д. Или, чтобы сдѣлаться вѣдьмой надо на голомъ току перекинуться три раза черезъ ножъ, поставленный вверхъ остріемъ. При этомъ говорятъ какія то слова, известные старымъ вѣдьмамъ, составляющія ихъ секретъ, и передаваемые той бабѣ, которая учится вѣдьмовать. Впрочемъ этотъ секретъ передается обыкновенно также передъ смертію близкому лицу, желающему приобрести знанія старой вѣдьмы. Во всякомъ случаѣ вѣдьма

умываетъ свою ученицу какимъ то наваромъ и та летитъ въ трубу и возвращается назадъ уже вѣдьмой. Образованіе, однако, заканчивается не здѣсь, а въ Кіевѣ на Лысой горѣ, куда вѣдьмы летаютъ подѣ большіе праздники на совѣтъ съ главными упырями и съ нечистой силой, послѣ чего бывають тамъ игры и пляски, какъ то собственными своими глазами видѣлъ солдатъ, стоявшій на квартирѣ у вдовы, которая была вѣдьма. Разъ ночью, когда онъ уже лежалъ въ постели, притворившись спящимъ, стали сходитьсь въ хату бабы, то были *роблыны* вѣдьмы, а хозяйка его была вѣдьма *рождена*. Она наготовила какой то мази и поставила на припечку. Когда собрались всѣ мѣстныя вѣдьмы, то стали подходить одна за другой къ припечку и мазать этой мазью у себя подѣ мышками: какъ только какая помажетъ, такъ тотчасъ и полетитъ въ трубу. Солдатъ лежитъ да смотреть, а когда всѣ бабы улетѣли, всталъ да прямо къ припечку и, не долго думая, взялъ да и себѣ помазалъ подѣ мышками. И не почувствовалъ, какъ что то вынесло его въ трубу, понесло по воздуху, и какъ онъ очутился на Лысой горѣ, гдѣ была и хозяйка его съ своими подругами. Хозяйка оглянулась, увидѣла солдата, бросилась къ нему: „чего ты сюды забрався?“ прошипѣла она: „кто тебе просывъ?“ Потомъ подала ему лошадь и велѣла скорѣе садиться и уѣзжать, но дорогой не говорить лошади ни „но“, ни „тиру.“ Солдатъ немедленно сѣлъ на коня и поворотилъ назадъ домой, но дорогой думаетъ: что я за дуракъ буду, что не скажу ни но, ни тпру, да и крикнулъ на коня: но! Въ ту же минуту полетѣлъ внизъ и упалъ въ такой густой непроходимый темный лѣсъ, что изъ него не видно было ни луны, ни звѣздъ, ни неба. Едва на четвертый день добрелъ солдатъ домой, на свою квартиру (сл. Кабанья).

Вѣдьма ночью, когда всѣ домашніе уснутъ, садится на лопату, которой сажаютъ хлѣбы въ печь, вылетаетъ на ней въ трубу и летитъ въ Кіевъ на Лысую гору, куда собираются всѣ вѣдьмы и черти на, такъ называемый, шабашъ. Шабашъ бываетъ подѣ большіе праздники, въ особенности же „пидѣ Велыкдень и Здвиженія;“ начинается онъ „якъ людѣ обиснуть“ и продолжается „до первыхъ пивнивъ.“ Извѣстно, что всѣ вѣдьмы и черти стараются до первыхъ пивнивъ убраться домой, во свояси, иначе имъ уже не придется попасть туда до слѣдующей ночи. На шабашѣ происходитъ пляска, черти любезничаютъ съ вѣдьмами, но бывають ли тамъ между ними и плотскія отношенія, — неизвѣстно. Рассказываютъ, что какъ-то къ одной женщинѣ вѣдьмѣ зашелъ переночевать солдатъ. Это было „пидѣ Здвиженія.“ Около полуночи хозяйка воткнула въ землю ножъ, перекинулась черезъ него и улетѣла на лопатѣ въ трубу. Солдатъ не спалъ и все это видѣлъ. Вставши, онъ и себѣ перекинулся, какъ и вѣдьма, черезъ ножъ и, сѣвъ на помело, умчался вслѣдъ за хозяйкой въ трубу и полетѣлъ въ Кіевъ на Лысую гору. Этотъ-то солдатъ и видѣлъ, что дѣлають на шабашѣ вѣдьмы, черти и прочая нечисть, и пересказалъ другимъ (сл. Араповка).

— Была у насъ въ селѣ одна женщина, по фамиліи Ланцюжиха. Она захотѣла сдѣлаться вѣдьмой, пошла къ рѣкѣ и просидѣла на берегу до полуночи. Въ полночь вышелъ къ ней изъ рѣки сатана и спрашиваетъ ее: „чего ты сидишь здѣсь?“ Она отвѣчаетъ ему: сдѣлай меня вѣдьмой: Сатана и говоритъ: „я сдѣлаю тебя вѣдьмой, если ты согласишься каждый мѣсяцъ танцевать со мною“ Ланцюжиха согласилась танцевать съ сатаною одинъ разъ въ мѣсяцъ на гульбищѣ, и онъ сдѣлалъ ее вѣдьмой. Всѣ люди скоро узнали, что она вѣдьма. А у нея была взрослая дочь и всѣ стали говорить, что и дочь вѣдьма, но одинъ казакъ не повѣрилъ словамъ людей, взялъ да и женился на ней. Живутъ молодые ладно; но вотъ казакъ сталъ замѣчать, что жена его каждый мѣсяцъ бываетъ больна. Что за причина? Разъ ночью слышитъ онъ, что жена положила ему что-то подъ голову и сама встала и вышла въ сѣни; посмотрѣлъ — три узелка. Взялъ онъ и тотчасъ выбросилъ ихъ въ окно. Подбѣжала собака, обнюхала ихъ, прилегла да сейчасъ же и заснула. Вотъ такъ штука! подумалъ казакъ и притворился спящимъ, чтобы подсмотрѣть и узнать, что будетъ дѣлать его жена. Видитъ, входитъ жена, а слѣдомъ за нею вѣдьмы. Собралось ихъ много, полная хата; выкопали онѣ изъ-подъ порога горшокъ, въ которомъ была мазь, составленная, какъ послѣ открыла казаку жена, изъ собачьей кости, кошечьяго мозга и чело-вѣчьей крови. Вѣдьмы начали мазать себя этой мазью, приговаривая: „лети, лети на Лысую гору“, и потомъ всѣ повывлетали въ трубу. Тогда казакъ всталъ и сталъ себя мазать, говоря также: лети, лети, — полетѣлъ и онъ. Не долетая до середины гульбища, остановился съ краю, гдѣ были въ сажняхъ дрова; притаился за дровами и высматриваетъ оттуда. Видитъ: жена его отплясываетъ съ сатаною, а тотъ сатана съ буйволовыми рогами и съ львинымъ хвостомъ. Не стерпѣлъ казакъ такого позору, какъ крикнетъ: „ахъ ты, проклятый сатана! ты зачѣмъ это съ моею женою пляшешь?“ Крикнулъ да и самъ испугался, спрятался за дрова, а сатана, услышавъ крикъ, бросилъ танцевать и побѣжалъ искать того, кто кричалъ. Но жена казака предупредила сатану, подвела къ мужу большого бѣлаго коня и сказала: скорѣй садись и поѣзжай домой, а не то-бѣда, дорогой все покрикивай: но! Возвратился казакъ домой, привязалъ своего коня къ стрѣхѣ хаты, а самъ поднялъ два выброшенныхъ имъ узелка, снова легъ въ постель, положилъ ихъ себѣ подъ голову и тотчасъ заснулъ. Утромъ вышелъ казакъ изъ хаты посмотреть своего коня, а тамъ, вмѣсто коня, стоитъ большая бѣлая палка. Сталъ казакъ бранить свою жену, а та ему въ отвѣтъ: „я не виновата: это дѣло моей матери; ты самъ видишь, что мнѣ не легко танцевать съ сатаною.“ (Г. Купяньскъ).

— По словамъ одной старухи, вѣдьмой дѣлаются такимъ образомъ: Околѣла, наприкладъ, лошадь или корова, выволокли ее на выгонъ. Женщина,

желающая стать вѣдьмой, узнавъ объ этомъ, выходитъ въ темную ночь на то мѣсто, гдѣ брошено околѣвшее животное, становится передъ трупомъ и смотритъ на него пристально, въ какомъ-то забытьѣ. Простоявъ въ такомъ состояніи нѣсколько минутъ, быстро бросается къ трупу животного, пробиваетъ въ боку его дыру и влезаетъ внутрь его. Полежитъ тамъ нѣсколько времени и вылезаетъ оттуда, но уже въ другую сторону, черезъ другой бокъ. Выходитъ изъ трупа насыщенная ученая вѣдьма, вполнѣ усвоившая науку превращеній, получившая способность принимать желаемый видъ, то есть, способность превращаться въ собаку, кошку, кобну, клубокъ и т. п. Съ этого времени она и начинаетъ свои ночныя походы: ходитъ доить коровъ, отчего онѣ портятся; другихъ же коровъ она заѣдаетъ, отчего онѣ совсѣмъ пропадаютъ; летаетъ въ Кіевъ на собранія, совершая полетъ туда и обратно въ одну ночь, мститъ тѣмъ, кто ее обидитъ: сдѣлается, напр., клубкомъ и бьетъ того человѣка въ грудь, а ее самое проста не ударишь. Говорятъ, что ее можно ударить только кускомъ старой оси, да и то бить не ее, а бей наотмашъ по ея тѣни, тогда попадешь (сл. Гусинка).

— Когда какая-нибудь женщина захочетъ научиться вѣдовству, то идетъ къ извѣстной природной вѣдьмѣ, снявъ съ себя предварительно крестъ; та мажетъ ей осиковой корою подъ руками и заставляетъ перевернуться черезъ веревки, кторыя у нея черезъ всю хату протянуты. Тотчасъ она превращается въ сороку и затѣмъ вмѣстѣ съ хозяйкой-учительницей летятъ въ Кіевъ на Лысую гору для посвященія во всѣ тайны вѣдовства.

— Зашелъ къ одной женщинѣ сторонній прохожій человѣкъ и попросился переночевать; хозяйка пустила его въ хату. Вошелъ, видитъ: полъ чисто смазанъ желтой глиной, а черезъ всю хату протянуты веревки. Онъ и спрашиваетъ: „на что это у тебя, хозяйшкa, столько веревокъ? Она ему отвѣтила, что беретъ мыть чужое бѣлье, такъ вѣшаетъ его сушить на этихъ веревкахъ. А дѣло то было совсѣмъ не такъ: хозяйка была старшая на селѣ вѣдьма и къ ней по ночамъ сходились молодые совершенствоваться въ своемъ искусствѣ. Прохожій полѣзъ на печь спать, легъ на печи и видитъ, сошлось въ хату нѣсколько женщинъ и начали дѣлать то-же, что и хозяйка. А та помазала себѣ подъ плечами осиновою корою, перевернулась черезъ веревку, сдѣлалась сорокой да въ трубу. Прочія женщины продѣлали тоже, что хозяйка, и вылетѣли всѣ сороками въ трубу. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ вѣдьмы возвратились назадъ и стали говорить между собою о томъ, что каждая изъ нихъ успѣла сдѣлать: „я корову сдоила,“ сказала одна. „А я — кошку,“ похвалилась другая. „А я — собаку,“ перебила ихъ третья. Такъ каждая изъ молодыхъ вѣдьмъ хвалилась своими успѣхами предъ старой вѣдьмой, ихъ учительницей (сл. Тарасовка).

Вотъ еще одинъ общеизвѣстный пріемъ сдѣлаться вѣдьмой: Ночью на Ивана Купала снять съ себя крестъ, взять икону, хлѣбъ и ножъ, пойти къ рѣкѣ и положить на самый край берега у воды икону и хлѣбъ. Потомъ проткнуть хлѣбъ ножомъ, перевернуться на тотъ ножъ и „накалять“ на икону. Тогда получишь способность принимать по желанію разные виды. Приводимъ рассказъ крестьянки о томъ, какъ она хотѣла вѣдьмой сдѣлаться.

— „Попустивъ Господь грѣха: захотилось мнѣ видьмой зробыця. А я чула, що треба пидъ Ивана Купала скинуты съ себе крестъ и зъ вечера Богу не молюця, а о пивночѣ взяты хлибыну, нижъ и яку-нибудь икону и питы на ричку, де воткнуты нижъ съ берегу въ воду, покласты била него на берези хлибыну и икону, статы ногамы на икону, а рукамы взятыся за нижъ тай на-поганыты на святу икону. Ото тоди являтця видьмы и навчатъ, якъ и що робиты. Я такъ и зробыла. Пидъ Купала зняла съ себе крестъ, Богу ны молюлась, а якъ перви пивни заспивалы, пишла на ричку, взяла съ собою, хлибыну, нижъ и икону. И иты до ричкы мнѣ було ны страшно, тилько неначе шось мене впередъ товкало, а назадъ оглянутыся ны смѣла. Прийшла до берегу и вже хотила ногамы статы на святу икону, а третій пивень и заспивавъ. Тутъ мене Богъ и спасъ: я чула, якъ грѣшна душа, якъ третій пивень заспивавъ, покаялась Богу и Богъ ии прынявъ,—да такъ мнѣ стало страшно, такъ страшно, що и зъ мѣста не можу тронуця. И вже ны знаю, якъ я начала молитвы чытаты, якъ перехрыстывалася, якъ пидняла икону—хлибыну та нижъ покинула—та якъ побѣжу до дому. А воно за мною гуде та неначе мокрымы тряпкамы по пыци хлюще та бѣе. Шистъ нидиль пѣсля того лыхоманка мене трусыла и тилько покинула, якъ я батюски посповидала та винъ мене запырчастывъ. Цуръ ему зъ его поганью проклятою! и теперъ ще жахаюся“. (хуторъ Нижній Солёный).

— Видьма и видьмачъ добувають свое видѣмство наукою, ё и таки, що и отъ природы, та рѣдко. Наука ця преподаетця самымъ старшымъ видьмачемъ — опырякою: якъ хто хоче научыця видьмувати, то упередъ объявѣ опыряци, винъ тоди и научыть, або прыкаже другій видьми, щобъ учыла. А учыть вона отъ якъ: назбирае та видьма соби подругъ-видѣмъ, и поставлять ти видьмы сырьдъ хаты ночвы зъ молокомъ и начнутъ тамъ купатця. Якъ покупаютця вси въ молоци у ночвахъ и той, що вчитця, тоди йдуть изъ хаты и сѣдають на лышову кору, а та кора й нысе видѣмъ и учащогося у гору, та такъ высоко, що ажъ за хмары. И лытять вони до самого Кыева, а тоди выртаютця назадъ. Якъ прылытять додому, то у двери ны йдуть, а тлизуть у трубу, а изъ трубы и въ хату та въ ночвы и обмыютця, що запачкалось у труби. Ото разъ учащійся полита зъ нымъ, а тоди и самы уमितые видьмувати (хуторъ Маліевъ).

— Усе одно шо видьма, шо видьмачъ: вони мають одынъ приznakъ и однакову силу, а надъ ними есть саме старшый, ёго называютъ *опырякою*, винъ—ны вчений, а *родимый*; ему уси видьмы и видьмачы повинуютця и по ёго прыказу поступають скризъ. Винъ видьмамъ прыказуе у кого доить коровъ, а въ кого нынада. Ото вони и знаютъ своего атамана--опыряку. Винъ завидуе тымы видьмамы, у яки слободи винъ самъ живе, и вони у опырякы учатця видьмувати“ (сл. Ново-Николаевка).

Тотъ же взглядъ на упыря, какъ на главнаго учителя и начальника вѣдьмъ и вѣдьмачей, мы находимъ и въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, изложенномъ учителемъ начального училища въ сл. Калиновой Д. Целиховымъ со словъ мѣстной крестьянки.

Нѣкоторые говорятъ, что вѣдьмами дѣлаются однѣ только женщины, но большинство мѣстныхъ малороссовъ признаетъ, что и мужчинъ тоже очень много поступаетъ въ вѣдьмачи. Вотъ что передавала мнѣ одна здѣшняя старуха: лѣтъ 30-ть тому назадъ одинъ изъ дальнихъ родственниковъ ея жилъ въ городѣ. Не зналъ онъ никакого мастерства и не занимался ничѣмъ положительно, но жилъ очень, очень богато, такъ, что ближніе сосѣди завидовали его богатству и всячески старались узнать, откуда оно лилось къ нему; но какъ они ни ухитрялись открыть источники его доходовъ, все было напрасно. Знали, что у него была изба въ двѣ комнаты черезъ сѣни, что въ одной комнатѣ жилъ онъ самъ и никого въ нее не пускалъ, особенно послѣ солнечнаго заката, а въ другой—жилъ работникъ съ работницей. Больше людей у него небыло, такъ какъ онъ былъ человѣкъ не семейный. Работнику его было лѣтъ подъ сорокъ; былъ онъ очень усердный, трудолюбивый человѣкъ и обладалъ при томъ необыкновенной силой; хозяинъ уважалъ его и платилъ ему хорошее жалованье, но все же скрывалъ и отъ него свои занятія. Такимъ образомъ тайна для сосѣдей была также тайной и для домоладцовъ. Но это обстоятельство только еще сильнѣе возбуждало любопытство у послѣднихъ. Работникъ и работница прежде всего обратили вниманіе на то обстоятельство, что хозяинъ ихъ, кто бы ни приглашалъ его къ себѣ въ гости, всегда общался быть вечеромъ и никакъ не ранѣе 10-ти часовъ; днемъ же бывало ни за что и ни къ кому не поѣдетъ въ гости. А также замѣтили, что когда наступитъ часъ ѣхать въ гости, то неизвѣстно откуда подъѣзжаетъ къ крыльцу карета парю вороныхъ рысаковъ и лошадьми править разодѣтый кучеръ. Какъ только явится у крыльца эта карета, хозяинъ ни одной минуты не остается въ комнатѣ, чѣмъ-бы ни былъ онъ въ то время занятъ, все бросаетъ и сейчасъ же выбѣгаетъ, садится въ карету и ѣдетъ. Гостить онъ всегда не болѣе часу и возвращается домой на тѣхъ же лошадяхъ. Было замѣчено и то, что лошади, карета и кучеръ сейчасъ же исчезаютъ, какъ только хозяинъ выйдетъ изъ кареты. Кромѣ того, работникъ

обратилъ вниманіе на шумъ по ночамъ въ комнатѣ хозяина и нѣсколько разъ пытался узнать, отчего происходитъ этотъ шумъ. Но первыя попытки были безуспѣшны, потому что въ то время, когда въ комнатѣ хозяина слышался шумъ, окна и двери въ той комнатѣ, гдѣ жилъ работникъ съ работницей, всегда бывали снаружи заперты, а окна закрыты, сверхъ того, ставнями. Но работникъ тѣмъ сильнѣе и упорнѣе старался открыть тайну хозяина. Вотъ разъ случай поблагопріятствовалъ ему въ этомъ. Хозяинъ легъ днемъ отдохнуть да и заснулъ, а дверь въ свою комнату забылъ запереть, что онъ обыкновенно дѣлывалъ прежде. Работникъ не упустилъ случая проникнуть тайкомъ въ комнату хозяина, пробрался туда такъ осторожно, что и работница того не замѣтила; залѣзъ на печь и прикрылся лежавшимъ тамъ разнымъ платьемъ и такъ пролежалъ тамъ до полуночи, не слыша ничего особеннаго. Въ самую полночь отворилась дверь и въ комнату хозяина вошло человѣкъ тридцать гостей: тутъ были старики и старухи, мужчины и женщины среднихъ лѣтъ, парни и дѣвки, и у каждаго изъ нихъ было по ведру въ рукахъ. Какъ только всѣ они вошли въ комнату, то сейчасъ же по командѣ хозяина выстроились въ ряды, по одну сторону стали мужчины, по другую—женщины. Прежде всего хозяинъ спросилъ мужчинъ: „а что, господа; ставни въ комнатѣ работника закрыты и дверь заперта?“ Стоявшій крайнимъ изъ мужчинъ отвѣчалъ: все сдѣлано, какъ слѣдуетъ,—не беспокояся! Послѣ того хозяинъ обратился ко всѣмъ: „теперь кладите каждый на столъ слѣдующую мнѣ часть изъ того, что въ прошедшую ночь заработано вами“. Большая часть мужчинъ и нѣсколько женщинъ подошли къ столу и начали класть на него или же бросать деньги; оставшіеся на мѣстахъ заявили, что для нихъ прошедшая ночь была неудачная, а нѣкоторые прибавили, что они едва не заплатились своей шкурой. Окончивъ сборъ денегъ, хозяинъ заявилъ своимъ подчиненнымъ, что сегодня предстоитъ имъ путешествіе на Лысую гору, куда сегодня должны собраться вѣдьмы и вѣдьмачи со своими начальниками со всего свѣта, а потому, добавилъ онъ, кто изъ васъ плохо знаетъ свое дѣло, тотъ пусть идетъ въ огородъ къ колодцу: я тамъ доучу. Сказавши это, онъ вышелъ изъ комнаты; два парня и три дѣвки послѣдовали за нимъ. Остальные поставили свои ведра въ сѣняхъ, затѣмъ возвратились въ комнату и повели бесѣду о предстоящемъ имъ полетѣ съ своимъ начальникомъ, котораго они называли *опырякою*, на Лысую гору. Чрезъ полчаса возвратился опыряка съ своими учениками и ученицами въ комнату и сказалъ бывшимъ въ ней, что уже пора летѣть. Далѣе идетъ обычный полетъ подсматривавшаго лица на конѣ, который, какъ это всегда случается въ подобнаго рода разсказахъ, оказывается палкой. Въ заключеніе учитель Нелиховъ прибавляетъ, что по словамъ старухи все сказанное ею не выдумка, но что все это она сама слышала отъ того работника, который жилъ у

ея родственника и летать вслѣдъ за нимъ на бѣломъ конѣ, какъ и другія участвовавшія въ томъ полетѣ лица, вѣдмачи и вѣдмы, въ то время какъ ихъ предводитель—опыряка мчался впереди ихъ на ворономъ конѣ.

По другимъ сообщеніямъ (сл. Кабанья) вѣдмы летаютъ въ Кіевъ не на лошадахъ, а на своихъ учителяхъ—*ушыряхъ*, у которыхъ онѣ не только учатся, но и живутъ въ плотской связи съ ними, и садятся на ушыря не по одной, а всѣ прицѣпляются къ нему и мчатся по воздуху цѣлой группой.

Кто посмѣлѣе, тотъ обращается за наукой вѣдовства непосредственно къ чертямъ, хотя въ такомъ случаѣ ученіе обходится несравненно дороже, чѣмъ ученіе у ушырей,—вѣдъ ушырь все-таки человѣкъ, а то чертъ. Однако рассказчицы не передаютъ подробностей ученія у чертей.

— „Жинка, якъ задумае зробитця видьмою, піде підъ цію небудь корову, надое молока, зроби сиръ, свари вареникивъ, а тоди и йде зъ ными въ поле. Найдѣ тамъ крыницю и отдасть вареникы лукавымъ, а вони їй дадуть водкы. А дали вона, шо уже їй не буде, якъ вытерпе все, то їй буде видьмою“ (сл. Ново-Николаевка).

Такъ какъ вѣдмамъ приходится и при жизни и по смерти много терпѣть, то лица, желающія посвятить себя вѣдовству, прежде пріема ихъ въ цехъ вѣдмъ обыкновенно подвергаются искусу.

— „Жыло въ хутори двѣ кумы; одна зъ пыхъ була видьма. Захотилосъ и другій вивчыця колдовству. Разъ прыходе вона до кумы видьмы и каже: „кума, а кума, научы мене колдовству.“—Ты не вытерпишь, отвича видьма: Пиди заразъ до дому и подывись, шо у тебе въ скрини. Вона заразъ пишла подывилась, а тамъ хто-й-зна скільки напыткивъ и наидкивъ. Вона то того вкусе, то того хлебне. Тоди закрыла скриню и пишла до видьмы. Видьма їй пыта: „шо тамъ у тебе було?“—Багацько напыткивъ и наидкивъ. „А ну пиди теперъ подывись, шо тамъ є.“ Вона пишла, подывилась, а тамъ, вмисто напыткивъ та наидкивъ, лежать їи сорочки та рушныкы понадкусовани. Прыходе до видьмы їй каже: тамъ мои сорочки и рушныкы понадкусовани. „Ось бачъ, я жъ тобі казала, шо ты не вивчишся колдоваты: ты вже и жалієшь! Тоди кума видьмына пожалилась чоловікови своему на видьму, а той пишовъ и задушывъ їи. Отакъ научыла кума куму видьмувати!“ (сл. Кабанья).

Изъ многихъ присланныхъ намъ болѣе или менѣе однообразныхъ рассказовъ о полетахъ разныхъ лицъ, чаще всего солдатъ, вслѣдъ за вѣдмами, приведемъ еще одинъ, записанный словами рассказчика.

— Ишовъ одынь салдатъ на побывку додому и завырнувъ въ одно село ночувать; ввійшовъ въ крайню хату и ставъ прохатыця. „Шо-жъ, голубыку,“ каже хозяйка: „я ны слова бъ тобі, та въ меня сегодня будуть гости, а хата одна, такъ тобі їй спскою ны буды.“— „Да ничеро, старуха,“ просыця

салдаты: „я зъ дороги наморывся, такъ мисту радъ.“ Та пустыла, дала ёму скорише повычерять, и винъ лигъ спаты. Спавъ винъ, чы ны спавъ, чы можы такъ прытаився,—це такъ якъ о пивночи—покъ!—ввійшла въ хату одна баба, дали друга, третя и собралось ихъ зъ дюжыну. „Це ны прости гости,“ дума и соби салдаты: „дуже пиздни,“ и ставъ дывыця, шо дальше буды. Отъ воны посидили, потимъ трохы пырыгодя одна кажы: „пора, сестро!“ и вси повставалы. Хозяйка взяла нижъ, уткнула его коло печи въ землю, и давай черезъ ёго одна за другою пырыкыдаця. Пырыкынытця оце та й пыхны, все й пыхны въ трубу. Отъ загула и послидня. Салдаты, ныдовго думавшы, взявъ и соби пырыкынувся, и тымъ-же слидомъ ахнувъ. Лытыть винъ, начы бурею его нысе, черезъ лиса, болота... и опынывся винъ ажъ у Кыиви, въ якомусь бенкети, а видьмы уже тамъ. Отъ тико салдата опустыло, якъ пидходе до его та видьма, у которой винъ останывывся ночуваты и пидводи ему билого коня, та й кажы: „а ты, добродію, такы ны втерпивъ?! Ну, колы хочышь на свити жыты, такъ сидай на оцего коня та убыврайсь видциль мирцій, поковы други ны замитылы, а то тоби ны животиты.“ Винъ скочывъ на коня и полытивъ. „Лыты жъ, кажы видьма: та ны оглядайсь!“ Салдаты опьятъ ны вытырпивъ—оглянувся и тужъ минуту пырыставъ лытиты, очутився на зымли, а вмиesto коня пидъ нымъ оказалась била палка. Писля того салдаты якъ начавъ иты додому, та йшовъ, ишовъ та й ныдойшовъ до сроку и вырнувся назадъ въ свій полкъ (сл. Преображенная).

Изъ вышеприведенныхъ разсказовъ вытекаетъ, что вѣдьмы владѣють волшебной силой оборотничества; онѣ умѣють, какъ говорятъ крестьяне, отводить глаза. Мы уже знаемъ, что вѣдьмы на Лысую гору летаютъ иногда въ видѣ сороки. Теперь прослѣдимъ по народнымъ разсказамъ въ какихъ видахъ, образахъ совершаютъ свои ночные подвиги вѣдьмы, отправляясь доить коровъ или мстить своимъ врагамъ. За исключеніемъ единственнаго разсказа о превращеніи вѣдьмы, отправившихся доить коровъ, въ змѣй, во всѣхъ остальныхъ собранныхъ нами разсказахъ, говорится, что вѣдьмы ходятъ доить коровъ или въ своемъ естественномъ видѣ, только простоволосыя и въ одной сорочкѣ или въ видѣ собаки, сохраняя иногда при этомъ чело-вѣческое лицо.

— Въ одномъ большомъ селѣ жило 12 вѣдьмъ; къ одной изъ нихъ зашелъ на ночлегъ странникъ. Она не отказала ему, и онъ легъ спать. Проснувшись около полуночи, видитъ, что въ хату вошло 11 бабъ и начали совѣтоваться съ хозяйкою о томъ, куда отправиться доить коровъ. Когда вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, всѣ умылись какой-то водой, подѣлались змѣями и полетѣли въ трубу. Тогда странникъ всталъ, взялъ топоръ, потомъ умылся также той водой и тотчасъ сталъ змѣемъ. Полетѣлъ вслѣдъ за вѣдьмами, догналъ и всѣхъ ихъ изрубилъ (сл. Кабанья).

— Къ одному крестьянину повадилась вѣдьма коровъ доить. Долго терпѣлъ крестьянинъ, но, наконецъ, рѣшился поймать вѣдьму. Пошолъ въ загороду, гдѣ были коровы, забился въ темный уголь, сидить, ждать. Въ самую полночь является вѣдьма, въ бѣлой рубахѣ, съ распущенными волосами, съ волосянымъ мѣшкомъ, и начинаетъ доить въ него коровъ, одну за другой. Крестьянинъ и видитъ и слышитъ да не можетъ ни двинуться, ни закричать, какъ будто окаменѣлъ. Вѣдьма преспокойно передоила всѣхъ коровъ, потомъ подходитъ къ хозяину и говоритъ: „сидишь, Иване?“ — Сижу, отвѣчаетъ тотъ безсознательно, какъ-бы во снѣ. „На жъ тоби грычаныка та й сыды!“ Съ этими словами она сунула ему что-то въ руки, а сама удалась. Между тѣмъ жена крестьянина ждетъ его, — прождавши до зори, идетъ въ кошару и видитъ, что ея мужъ сидитъ въ углѣ со сложенными на груди руками, изъ за которыхъ виднѣется кусокъ коровьяго навоза. На мужикѣ, какъ говорится, лица нѣтъ; съ мѣста сдвинуться не въ мочь и заговорить не въ силахъ, парализованъ да и только. Жена въ голосъ, собрались сосѣди, стали шутить и смѣяться надъ бѣднымъ мужикомъ; тогда онъ какъ бы очнулся, всталъ, плюнулъ да скорѣе въ хату. И долго потомъ безъ страха не могъ вспомнить объ этой ночи. Крестьяне вѣрятъ, что вѣдьма не будетъ доить коровъ, если во дворѣ держать пѣтуха и собаку *мартынятъ*, то есть такихъ, которые появились на свѣтъ въ мартѣ мѣсяцѣ (г. Купянскъ).

Другіе говорятъ, что для защиты двора отъ вѣдьмы слѣдуетъ держать особыхъ собакъ, такъ называемыхъ *ярчуковъ*. Этихъ собакъ достать трудно; нужно поступить такъ: когда въ первый разъ ощенится сука и перваго щенка выведетъ тоже суку, то его нужно беречь, пока отъ него появятся щенки, и если первый щенокъ тоже будетъ сука, то и ее беречь, пока ощенится. Тогда первый щенокъ отъ этой третьяго поколѣнія суки, будетъ ли онъ кобель или сука, и есть *ярчукъ*. Когда ярчукъ вырастетъ, то онъ можетъ кусать вѣдьмъ, чего обыкновенныя собаки не смѣютъ дѣлать; многія изъ нихъ даже не лаютъ на вѣдьмъ. Ярчукъ не только лаетъ, но можетъ даже и загрызть вѣдьму, почему послѣдняя старается задушить его, пока онъ еще малъ. По этому то ярчука слѣдуетъ тщательно оберегать отъ вѣдьмы, чтобы она не убила его, пока онъ щенокъ. Въ хатѣ не спрячешь, такъ какъ вѣдьмы являются для этого и въ хату, а бужно выкопать во дворѣ яму, посадить туда щенка и накрыть яму бороною, тогда ужъ ни одна вѣдьма не посмѣетъ его тронуть, потому что она боится бороны. Вотъ потому-то, чтобы подстеречь и изловить вѣдьму, ходящую доить корову, садятся за бороною, вооружившись *пратыкою*, и тогда уже вѣдьма ничего не можетъ „поробыты тому чоловікови“ (сл. Араповка).

— Унадылась до одного чоловіка вѣдьма корову доити. Оце винъ и задумавъ ии пійматы. Ему хто-сь наказавъ, шо якъ сядишь у загороди за

бороною, то вона тебе не побаче. Винь такъ и зробивь. Сивъ за бороною и сыдыть. Вона прыйшла та заразь взяла гарнѣй кизякъ тай положила ёму за пазуху тай каже: „на тоби гостынецъ тай сыды до свита тутъ!“ а сама корову подоила та й пишла соби, а винь просыдивъ до самого свиту съ гостынцемъ за пазухой. Це бачите, якъ уже сидаты, такъ треба знаты таку молитву — прочитавь та й сивъ; а якъ не знаешь, такъ шкода сидаты. (хут. Маліевъ).

— Шель солдатъ въ отпускъ и остановился на ночлегъ у одной бѣдной вдовы. У нея была коровка да и та въ последнее время стала болѣть: давать молоко съ кровью. Старуха призывала знахарокъ и тѣ, посмотрѣвъ корову, сказали, что ее доить вѣдьма. Солдатъ попросилъ у старухи чегонибудь повечерять; она подала ему молока. Солдатъ взглянулъ на молоко, тотчасъ же узналъ, что оно сдоено послѣ вѣдьмы, да и говоритъ хозяйкѣ: „хочешь, бабка, я поймаю вѣдьму?“ — Поймай, голубчику, поймай лыху лычину! Солдатъ пошелъ спать на дворъ и легъ по срединѣ двора на повозкѣ. Спалъ-ли онъ, не спалъ, видитъ идуть во дворъ двѣ женщины въ однѣхъ сорочкахъ; подошли прямо къ нему, взялись за повозку и повезли было ее изъ двора въ рѣку. Тпру! крикнулъ солдатъ, и повозка остановилась въ воротахъ; вѣдьмы съ оглоблями въ рукахъ такъ и застыли на мѣстѣ и стояли тамъ до самого утра, пока солдатъ не всталъ и не отпустилъ ихъ (г. Купянскъ).

При доеніи портятъ коровъ почти исключительно ученыя вѣдьмы, родимыя же вообще рѣдко причиняють зло людямъ. Что касается приобрѣтенія нужнаго имъ молока, то онѣ могутъ легко получить его отъ коровы, овцы, кошки или лошади, не уходя для этого даже изъ дому. Когда родимой вѣдьмѣ нужно молока, беретъ она посуду и идетъ къ себѣ въ сарай, подходитъ къ разохѣ, что поддерживаетъ сволокъ, вынимаетъ изъ разохи колышекъ, молоко и начинаетъ течъ изъ дырки въ разохѣ. Знай подставляй посуду, а молоко не перестанетъ течъ, пока колышекъ не будетъ снова вложенъ въ дыру. У иныхъ вѣдьмъ такая разоха съ просверленной въ ней дыркой, заткнутой колышкомъ, стоитъ просто въ хатѣ, поддерживая сволокъ. Правда, и при подобномъ способѣ доенія, у коровъ молока остается мало, иногда его совсѣмъ не оказывается, но все же корова не портится, не болѣетъ. Къ родимымъ вѣдьмамъ обращаются иногда даже за помощію, какъ къ знахаркамъ и лѣкарямъ: онѣ охотно помогаютъ въ болѣзняхъ и въ несчастьяхъ; возвращають жецѣ любовь мужа, привораживаютъ парня къ дѣвицѣ, хотя, съ другой стороны, растранивають согласіе между мужемъ и женой, ссорять жениха съ невѣстой или, если на свадьбѣ прогнѣвать, оскорблять ихъ, то онѣ могутъ жестоко отомстить за нанесенное имъ оскорбленіе: не только испортить молодыхъ, но и весь поѣздъ свадебный обратитъ

въ волковъ, сдѣлать вовкулаками. Впрочемъ, по мнѣнію большинства разска-
щницъ, такія зловредныя дѣйствія болѣе приличны ученымъ, чѣмъ родимымъ
вѣдьмамъ.

Вѣрующіе въ существованіе вѣдьмъ крестьяне прибѣгаютъ къ разнымъ
изстари извѣстнымъ средствамъ для охраны коровъ отъ вѣдьмъ, при не-
дѣйствительности этихъ средствъ обращаются къ мѣстнымъ знахарямъ и
держатъ у себя въ дворѣ, между прочимъ, собаку ярчука.

— Пойхавъ я разъ въ Лыманъ Узюмскаго вѣйзду до своего брата въ
гости. Прийхавъ, посыдили трохе, погломнили, а дали братъ и каже: „отъ,
брате, мини горе: якъ тоби звисно, у мене ё собака ярчукъ, така собака,
шо й видьмы їи боятця и вовкы: у неи вовчи зубы. Такъ отъ, якъ ця сучка
ощеныця, то видьма визьме въ ночи та й подаве цуцынятъ. Шо мини й
робыты — я й самъ не знаю.“ — А ось шо, брате, я кажу ему: якъ будуть
цуцынята, то ты скажи мини, такъ я їи заразъ изведу. „Та ни,“ каже
братъ. — Вирно, кажу, шо звезду. Тико це мы перебалакали, ажъ ось входе
ёго жинка зъ надвору тай каже: „а наша ярчучка, чоловиче, ощенылась.“ —
Ага, кажу я, теперь и покажу, якъ зъ нею управлятьця. Дождалы мы вечера,
узаявъ я голый бычъ зъ цына, пишовъ до клуни, сивъ у таке мисце, щобъ
їи можно було ударыты навидм (на отмашъ), якъ вона выйде зъ клуни.
Ось чую крычать цуцынята. Ну, думаю, ось я жъ тоби дамъ, проклята
видьма, цуцынятъ! Тико я це передумавъ, дывлюсь-иде зъ клуни здоровюща
била собака. Я якъ двину їи со всего маху навидли бычемъ по морди, такъ
вона и перекинулась. Тоди взяли мы зъ братомъ цю собаку, отволочылы въ
садокъ и бросылы, а коло неи положылы бычъ. Уранци пишлы мы подывы-
тысь на неи — вона якъ щезла: ныма. Колы чuemъ-у сусида вмерла баба:
ни горила, ни болила, звечера була здорова, а вранци бацуть-лежить мертва.
(Этотъ крестьянинъ, по словамъ учителя П. Марусова, вполнѣ убѣжденъ и
всѣхъ увѣряетъ, что онъ дѣйствительно убилъ вѣдму. (Сл. Кабанья).

— Попрохала я, говорила старуха, у одній барыни цуцыня, та й сама
не знала, шо воно ярчукъ, и колы бъ воно выросло, то було бъ таке зле,
щобъ и близко къ двору нашему не допускало видьму. Гостювала я въ
дочки дви ныдили, потимъ пришла додому и пытаю у сына: „чы ты кормывъ
цуцыня?“ А винъ одвичае: ни, ще сегодня, мамо, не кормывъ. Колы я узнала,
ажъ моя собака уже другой день голодуе. Прынывола я сына питы вы-
пустыты изъ конюшни цуцыня и дати ему исты. Тике шо винъ отворывъ
двери конюшни, якъ изъ неи выхватятця така сылна буря, шо такъ и збыла
съ нитъ сына и откынула его далыченъко видъ конюшни. Сынь мій здорово
злякався, вбигъ скоренько въ хату та й говоре: „маменько, а маменько,
бачылы якъ мене турнула буря?“ „я скорышъ пійша туды и бросылась ды-
витьця на цуцыня и шо жъ? лыжытъ бидна моя собачка потрошына на дрибны

куску. Тоди я и увирылась, шо буря це була видьма. Цей случай я розказувала многымъ людямъ, котори мини говорили, шо видьма здорово не любе отого ярчука, такъ шо вона всякымъ мирамы стараеця его стрыбыты. Для того, щобъ видьма не стрыбыла его, треба его держаты въ погриби пидъ осыковою бороною. (Сл. Гусинка).

— Разказывала мнѣ мать моя, что, когда она была маленькой дѣвочкой, вѣдьма была у нихъ разъ во дворѣ. Была у насъ, говорила мать, молодая собака первый разъ съ щенками. А вѣдьма боится перваго щенка, который называется ярчукомъ, такъ какъ у него есть такой зубъ, которымъ онъ можетъ задавить и вѣдьму. Вотъ вѣдьма обратилась *въ козу* и приближала къ намъ во дворъ, вбѣжала въ сарай, гдѣ была сука со щенками, схватила одного щенка и ну душить его. Сука бросилась на козу и начала отбивать своего щенка, а коза-вѣдьма бьетъ ее копытами. Мы услышали визгъ собаки, приближали въ сарай, а вѣдьма обратилась *клубкомъ* да и покатила со двора. Когда нашъ ярчукъ выросъ, вѣдьма снова приближала къ намъ на дворъ, но уже въ видѣ большой *собаки*; ярчукъ бросился на нее. Они схватились и начали грызть одна другую, и наша собака задавила вѣдьму. По утру мы узнали, что въ нашей слободѣ умерла старуха, которую всѣ называли вѣдьмой. (Сл. Сеньковъ).

— Когда вѣдьма идетъ доить корову, то превращается чаще всего въ *собаку*; подойди къ коровѣ, принимаетъ видъ женщины, а кончивъ доить снова дѣлается собакой, беретъ въ зубы подоилицу и отправляется домой. Иногда, являясь въ видѣ собаки доить корову, вѣдьма сохраняетъ, при собачьемъ туловищѣ, свое человеческое лицо; конечно, тогда легко узнать женщину-вѣдьму.

— „У мене було“, разказывала крестьянка Дроботова“, шить коровъ; я шо ранку ходыла ихъ доити до свиту. Разъ устала, ще було дуже рано, дай, кажу соби, ляжу надвори трохе полежу, поке повидниша. Лежу, чую хтось дое мою сиру корову. Я мерщій пидтющемъ побигла до загороды. Колы туды зиркѣ, ажъ тамъ *была собака* дое корову. Колы вглядила, а то моя сусидка Оекла. Я съ переляку якъ крыкну: „шо ты робышь, Оекло?!“ Тоди вона взяла въ зубы дѣйницу и полизла черезъ тынь до дому. Узнала я ии того, шо вона хоть и була собака, а морда въ неи була жиноцька“ (сл. Кабанья).

— Одна жинка запримытила, шо у неи хтось коровъ доить у ночи. Пишла вона зъ вечера и пидсила пидъ коморою быля загороды. Сыдила до пивночи, не спала и бачить,— бижить *была здорова собака* и дѣйницу въ зубахъ нысе. Зривнялась съ нею, пидхватыла лапою свижу коровью гноину, якъ влине, такъ и заплущыла очи тій баби, и неможе та баба зъ миста рушитыця. И зоря занялась, и череду стали выгонять, а вона все не пидни-

мытця, поке хтось мимо гнавъ корову та й каже: „а ты доси сидышь? пиды пыку обмый!“ Тоди вона пиднялась, а корова здоина“. (сл. Тарасовка).

— Друга жинка, продолжала раскащица, то-жъ стала примичать, шо хтось до ии коровъ ночью навидунтця. Стала пытать у людей, якъ видьму зловить, ей и навчили: „возьмы, кажутъ, осыковый килочекъ, сядь у загороди и стружы. Якъ вздрышь, шо до коровъ хто пидсида, того й смилу ловы“. Вона такъ и зробыла. Пишла, сила у загороды и струже осыновый килочекъ. Якъ гараздъ стимнило, шось ии и обызва: А ты сидышь и стружышь?“ — Сидю и стружу, одвича вона. „Ну и стружы!“ И тилько. И ничъ минула и сонце взйшло, а жинка та сидыть и не може зъ миста пиднятыця, ажъ покы почула за плетнемъ обызва: „а ты доси стружешь? Годи, вставай!“ Пиднялась, пишла до коровъ, а коровы здоины, а хто доивъ—небачыла.

— Одна жинка вечеромъ пишла у загороду доить свою корову и бачыть: сидыть *собака* пидъ короною и дое, та якъ гляне на хазяйку, такъ на ти жинци такъ и подралось волосся на голови: *отатарила* и низнае, шо робыты отъ страху, тамъ и окамянчила. А та видьма дое, тай дое, надоила молока стико ий треба, та тико черезъ тынь стрыбъ. Помынай, якъ звалы! А та жинка—хазяйка, шо ишла доить корову, стояла усю ничъ на одному мисти и ны може зъ миста зойты. Отакъ-то видьма зробыла (х. Маліевъ).

— Жыло дви бабы; одній було шисдесятъ литъ, а другій було симдясать, и у кожній бабы було по корови. Старша старуха була видьма и шо ночи брала съ собою казанокъ и бигала до сусидокъ доиты коровъ. Отъ одынъ разъ въ пивничъ видьма стука въ окошко свой хаты и просе меньшу бабу одчиныты ий двери. Ця старушка розсердылась на видьму, шо вона каждую ничъ перебива ий сонъ, ухватила здорову палку, видчиныла двери и почала ще въ потьмахъ быты собаку-видьму палкою та приговарюваты: „не ходы. стара собака, доиты чужыхъ коровы!“ И была до тыхъ пиръ, покы вона опьять зробылась жинкою и стала прохаты у меньшій бабы прощенія: „просты мене, свахо, теперъ я бильше ныколы небуду ходыты по ночамъ“. На другій день встала меньша старуха и пишла доиты свою корову. Подоивше ии, прогнала въ поле, а сама пишла до сусидкы шыты. Якъ вечеромъ прыйшла отъ сусидки додому, ии встритыла внучка та й каже: „бабушко, на шо це ваша сваха чесала довго въ синяхъ праву косу и шось шептала, а потимъ полизла въ погрибъ, достала одынъ глечикъ нашъ молока и имъ обмыла вымя нашій коровы? Я здорово излякалась (оказывается, что меньшая изъ двухъ старухъ была сама раскащица) и побигла въ загороду, де лежала моя корова. Бачу, корова страшно мучитця, вымя у неи страшно роспухло. Я заразъ позвала ворожокъ; воны, слава Богу, выличыли мою корову (сл. Гусинка).

Вѣдьма принимаетъ видъ собаки, впрочемъ, не только тогда, когда идетъ доить коровъ, но не рѣдко и тогда, когда она хочетъ или испугать кого-нибудь или отомстить вообще кому-нибудь изъ своихъ враговъ, хотя при этомъ, какъ увидимъ ниже, она сама часто очень жестоко платится за свои выходы и проступки. Нужно еще сказать, что вѣдьма, при встрѣчѣ съ упыремъ, знахаремъ и съ людьми, знающими извѣстные заклинанія, тотчасъ принимаетъ сама свой природный видъ, въ какомъ бы образѣ она въ это время ни была, не дожидаясь произнесенія словъ заклинанія, потому что во время произнесенія ихъ она испытываетъ сильнѣйшія страданія и притомъ никакого вреда знающему человѣку слѣдовать не можетъ.

Случается, что поймаютъ бабу на мѣстѣ преступленія, при доеніи чужой коровы; тогда не смотря на всѣ увѣренія лица, поймавшаго женщину съ поличнымъ, что изловленная имъ баба простая воровка и что никакихъ заклятій ему неизвѣстно, большинство крестьянокъ останется тѣмъ не мѣнѣе при убѣжденіи, что поймавшій воровку молока самъ тоже не простой смертный, а знахарь, и что онъ не хочетъ только или не можетъ сознаться въ этомъ. Подобный случай вызываетъ почти всегда уваженіе со стороны крестьянъ къ лицу, поймавшему, по ихъ мнѣнію, вѣдьму, и часто служить началомъ будущей славы этого лица, какъ знахаря и поэтому источникомъ будущихъ его доходовъ.

— Була я ще невеличкою дивчинкою и пишла разъ ночью со своимъ старшимъ братомъ въ соседскій садъ красть яблокъ. Нарвавши повну за полу здоровыхъ и чырвонныхъ яблокъ, я перелизла черезъ тынъ и безъ оглядки пустылась бѣгты до дому. Ажъ ось на дорози встріла мене *жовта собачонка* и стала кусаты ноги мини тай каже: „на шо ты рвала у мене въ садку яблокъ?“ Я такъ перелякалась, шо насылу добигла въ хату и съ тій ночи тры выдили здорово хворала и трипкы не вмерла. Собачка була видьма—хозяйка сада, де я крапа яблокъ (сл. Гусинка).

— Була я, рассказываетъ та же старуха, на свадьбѣ, де чула отъ однихъ жинкы таке: Вышла я, казала та жинка, вранци на двиръ за дровамы; пишла въ хливъ, набрала дровъ и йду. Якъ выскоче изъ дровъ здорова та кудлата *собака*, та якъ выхвате у мене велику дровыняку, та якъ зачне быты мене, та такъ здорово, шо я упала и не своимъ матомъ просыла помощи. Якъ почувы мій крыкъ, выскочили зъ хаты, а собаки—видьмы ныма й слиду.

— (Разсказъ старика солдата): Да, а шо вы думаете? видьма це така лыха лычына, шо якъ на кого рябкого навратыця, такъ и смерть прыключаетця. Мини на вику самому була прышта зъ нею, положымъ и ны разъ; ну та мене така погань обходы, потому зна, шо на мини вже ны поиды хоты колы тамъ и наткнетця, такъ тико озовеса, то вона ото геть и подасть ны

гы. А то случылось разъ, ще я тико прыйшовъ изъ службы, а преже, звисно-жъ, служба була довга. Вырнувся я до дому, колы въ мени ни роду, ни родыни: диточокъ, яки булы, Богъ прынявъ, и жинка померла; жынытьця бѣ то, бачъ, та яка тамъ уже жынытьба, якъ ны кола, ны двора и самъ пидъ литамы,—остався я такъ скытатыця. Завимався я портняжествомъ и ото було, шью де, тамъ и кочую соби, а въ случаи ныма работы, такъ у мени була кватыря. Отъ разъ мой хазяйци Богъ давъ сына, а хазяина, якъ на те, ны було дома. Случылось це ночью и на ранокъ, бачъ, бы то кумивъ зваты. Шо жъ его робыты?—Дома ны пыжмуку ныма, а позычыть для такого случаю ниукого. „Мабуть, ку, наберу я мишокъ пшынныця та повызу до млына, ще до свита, Богъ дастъ, змелытьця. А витырь бувъ добрый. Набравъ мишокъ, положывъ на санчата и новизъ самотужкы. Пидизжаю до млына, слухаю—бряжчыть. О, слава Богу, думаю, якъ разъ поснивъ пидъ чергу. Выйшовъ я и ставъ просыты мирошныка: такъ и такъ, ку, пожалуста, уважиты. Той ны слова, засыпавъ, и воно духа выпало. Вызу той мишокъ обратно,—це мой санчата зразу-тыць! и оважчалы. Я гулькъ назадъ, а у меня така *собацяна* лыясыть на мишку, шо й на санчатахъ ны помистыця. Э, думаю, це ны проста собака, та до ней: „геть, поганька!“ А вона лыжить, тико очыма воды. Я опять озався. Лыжить-ны ворухнетця. „Ну, ну ку, ны на такого напала: будышь каяця!“ и ны ставъ зъ нею бильшь змогатыця,—поихавъ. Выйзжаю въ двирь, вона, погань, такы лыжить. Я, ничого ны говоря, прыйшовъ до ней, взявъ ии ливою рукою *навидли* та до дровынякы и поодрубывавъ ии передни лапы. „А шо, ку, награла мыне? теперь покорайся й сама!“ та й пустывъ геть. На другий день мини такы кортыть дознать, кого я такъ попоштувавъ. А тамъ на одну жинку пидсикувалы, шо вона видьма, я й пишовъ до ней, будто полотно купуваты. Отъ тамъ съ симбею слово по слову, а дали й пытаю: „а де ваша маты?“ та зиркъ на ничъ. Колы такъ: сыдыть вона на ничи у самому кутку и руки ганчиркамы пообвязувани. „Шо то у васъ?“ — Та це, ка, пальци пообрывало. Я тико покывавъ головою та ку: „страмныця ты, страмныця, булобъ ны зачыпаты!“ И пишовъ геть съ хаты. (Сл. Преображенная).

— У одного чоловика була матъ видьма. Отъ вона разъ сняла зъ неба *зирку* и зробылась *собакою*. Той чоловикъ выйшовъ ночью на двирь и баче,—чужа звырына по двору ходе. Винъ на ней почавъ крычаты: „пишла, пишла, поганько!“ А вона стоить соби, наче не чье. Винъ якъ схвате сокиру та якъ трахне—такъ ии одрубывъ лапу. На другой день лыжить ёго мате та квохче на печи безъ руки. (Сл. Ново Николаевка.)

— Иде парубокъ у ночи по вулыци, а ёго мате зробылась *собакою* и перебига ему дорогу. Винъ догадався, шо це видьма, а не знавъ, шо его мате, пймавъ ии и потянувъ додому. Дома взявъ одрубавъ ии лапы передни

и задни. Уранци встае: „ой лышечко! мате лежыть на лави безъ рукъ и нигъ (Сл. Кабаньи).

— У одного священника была кобыла съ жеребенкомъ; работникъ хорошо ухаживалъ и смотрѣлъ за нею; между тѣмъ замѣчаетъ, что лошадь съ каждымъ днемъ все худѣетъ да худѣетъ, и у жеребеночка кости да кожа. Что за причина? думаетъ работникъ: кормлю досыта, пою во время, чищу, убираю-все какъ слѣдуетъ, а лошади худѣютъ?! Не ходитъ-ли вѣдьма доить нашу кобылу? дай ка засяду. И засѣлъ. Около полуночи является вѣдьма; подошла къ кобылѣ и начала ее доить. Работникъ тихо подкрался къ ней справа: „такъ вотъ кто мою кобылу доить! и схватилъ лѣвою рукою вѣдьму за волоса; она сдѣлалась *собакой*, но работникъ не выпустилъ ее, а вывелъ изъ конюшни и отрубилъ ей переднія лапы. На другой день по слободѣ прошолъ слухъ, что у одной женщины, слывшей вѣдьмой, отрублены на рукахъ пальцы. (Сл. Ново-Глуховъ).

— Бхалъ человекъ ночью съ снопами около яру, видитъ: бѣжитъ къ нему *блѣнная собачка*, онъ и ударъ ее кнутомъ. Она какъ гавкнетъ да такъ толсто, да подъ воловъ. Волю въ сторону, возъ на бокъ. Человекъ очутился подъ снопами съ переломленной рукою, а собачка неизвѣстно гдѣ дѣлась. (Сл. Ново Глуховъ).

— Возвращается поздно вечеромъ женщина домой и видитъ-сидитъ на углу улицы большая *блѣлая собака*. Когда женщина поравнялась съ ней, она сердито взглянула на женщину, загарчала и пошла за нею. Женщина обернулась назадъ и говорить: „куда ты, поганко, идешь? ступай своей дорогой!“ Собака не отступаетъ. Женщина бѣжать, вскочила во дворъ и кричить: „вернись, вернись, поганко!“ Собака за нею во дворъ; женщина скорѣе въ сѣни и заперла дрерь. Собака подбѣжала къ сѣнямъ да и говорить: „ну, счастье твое, что заперлась, а то ты бъ знала меня!“ (тамъ-же).

— Зробилася *собакою* вѣдьма и пишла въ загороду чужихъ коровъ доиты, ей и вдарылы тамъ по нози. На другой день пишла ця вѣдьма на ричеу, а у ей рука завязана. Ну и пытаются у ей бабы: чого рука завязана, а вона и каже: „це била пъявка вчера укусила“. Це, бачь, палка вдарыла (сл. Колодяжная).

— До барыни, шо теперь живе въ Купянци, ходыла ии же любымка коровъ доиты. Ця любымка и була вѣдьма. Отъ дое вона тай дое коровъ, а барыня и пыта роботныць: „чево это такъ мало малака доете?“ А ий кажутъ шо ей любымка ходе по ночахъ доиты. Вона не вире. Отъ разъ скотарь баче,—*собака* прыйшла и дое коровъ. Винъ заразы пймавъ ии и вуха поодризувавъ. На другій день приходе любымка до барыни, вуха пидввязани, голова замотана; барыня пыта, чомъ вона не розввязуетця,—вона одмогаетця, що вуха болять. Тутъ горнышна давай прохаты ей раскрытьця. Колы вони латокъ долой, а у ей ухивъ нима (тамъ-же).

— Шель мой дядя съ кѣмъ-то изъ своихъ знакомыхъ поздно вечеромъ, смотреть—идеть большая *бллая собака*, а у дяди былъ топоръ. Они взяли да и отрубили ухо этой собакѣ. Утромъ зашли дядя къ сосѣдкѣ, о которой люди говорили, что она вѣдьма; смотреть—она сидитъ на печкѣ, ухо у нея завязано. Дядя и спрашиваютъ: „что это у тебя?“ Она отвѣчаетъ: не знаю, отъ чего-то заболѣло у меня ухо. Но дядя подсмотрѣли, что у ней ухо было отрублено (г. Купянскъ).

— Въ одномъ селѣ появилась вѣдьма. Какъ ни старался народъ отогнать ее отъ своего села, все было напрасно. Напрасно ходили крестнымъ ходомъ, напрасно читали разныя заклинанія,—ничто не помогаетъ. За нѣсколько времени до появленія вѣдьмы въ этомъ селѣ поссорились двѣ женщины сосѣдки: одна богатая, а другая бѣдная; поссорились и разошлись страшными врагами, а до того были большія пріятельницы. Немного времени спустя послѣ ссоры одна изъ этихъ женщинъ, именно бѣдная, ушла изъ села на заработки да съ тѣхъ поръ безъ вѣсти и пропала. Жители села предполагали, что явившаяся вѣдьма есть некто иной, какъ та самая бѣдная женщина, и что она возвратилась на родину съ тѣмъ, чтобы отомстить своему врагу—сосѣдкѣ. И дѣйствительно, у этой послѣдней стали пропадать коровы. Сперва сдохла одна, потомъ другая, третья,—пропали всѣ до послѣдней; не осталось не только коровъ, но и телятъ. И богатая сосѣдка вѣдьмы мало по малу стала самою бѣдною женщиною въ селѣ. Разоривъ свою бывшую пріятельницу, вѣдьма обратила свою зловредную дѣятельность и на другихъ богатыхъ односельчанъ: у всѣхъ сталъ падать скотъ. Тогда народъ назначилъ большую денежную награду тому, кто поймаетъ вѣдьму и представитъ ее обществу. Охотниковъ явилось много; но никто изъ нихъ не могъ схватить ее, потому что она при приближеніи такого человѣка, съ яростью бросалась къ нему, выставивъ страшные когти,—она всегда имѣла видъ какого-нибудь хищнаго звѣря,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грозила обратитъ въ вовкулаку каждаго, кто дотронется до нея. Но выискался наконецъ одинъ знающій кузнецъ. Съ наступленіемъ ночи онъ отправился искать вѣдьму; скоро нашелъ ее въ видѣ *бллой собаки*, ходящей вокругъ сарая, въ которомъ была корова. Проговоривъ какія-то слова, кузнецъ смѣло схватилъ собаку за шиворотъ, и она сейчасъ же стала женщиною и начала упрашивать его отпустить ее, обѣщая дать ему порядочную сумму денегъ, но только не теперь, а черезъ сорокъ дней. Кузнецъ не согласился частію, можетъ быть, потому, что не былъ увѣренъ въ томъ, что вѣдьма не обманетъ его, частію и оттого, что не хотѣлъ потерять славы знахаря, а съ нею и денегъ, назначенныхъ за поимку вѣдьмы. Поэтому онъ приковалъ вѣдьму къ желѣзному столбу въ кузницѣ и затѣмъ пошелъ объявить начальству о поимкѣ вѣдьмы. На утро собрался къ кузницѣ народъ и въ прикованной къ стол-

бу женщинѣ всѣ узнали ту, на которую и падало общее подозрѣніе. Ее немедленно убили, трупъ ея вбросили въ глубокую яму, засыпали землей и землю разровняли; стеречь же могилу въ теченіе сорока дней наняли особаго сторожа. Теперь то мѣсто и дорога къ нему заросли крапивой, колючимъ кустарникомъ и сорной травой, такъ что нельзя найти и слѣда могилы (г. Купянскъ).

Вѣдьма—собака не можетъ, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, никого укусить, а только испугать. Если же вѣдьма пожелаетъ нанести кому-нибудь побой, хорошенько поколотить, „шобъ не забувъ до новыхъ виныкивъ“, тогда она принимаетъ видъ клубка, свиньи или кошки. Горе тогда навлекшему на себя гнѣвъ вѣдьмы человѣку, если у него не найдется знающаго заступника или если онъ не обратится съ просьбой о защитѣ къ начальнику вѣдьмъ—упырю.

— Посѣрылись на вечерныцахъ парубокъ въ дивкою. Дивка и похваляется: „Ну, сякий—такый, будышь же ты помниты!“ А въ неи мать була видьма. Отъ разъ иде той парубокъ пиздно вечера на вечерныци,—це шось якъ дастъ ему сзадѣ пидъ ноги. Винъ тико брыз! навзакъ. Пиднявся, дывыця,—ныма никого, тико клубокъ кочаитця по дорози. Винъ до его, а клубокъ геть. Парубокъ бросивъ ганятыця та тико шо поверныця иты, а клубокъ опять его якъ цвехны, якъ цвехны пидъ ноги, то той все такъ и гечны изо всыхъ чотырехъ. И такъ упостолывъ бидного чоловика, шо винъ ледве живой до первой хаты добрався. Ну, дума, це дурна штука, и ставъ рассказуваты людямъ о свой прывыденци, а хтось и каже: „це ныприминно лясъ видьма злобу на тебы иміи. Ты бъ було хватавъ той клубокъ ливою рукою, та ны голою, а въ ливій поли.“ На другой разъ, скоро послѣ чы ны скоро, опять иде той парубокъ на вечерныци; отъ де ны взялась собака, та такъ и сунуця ему пидъ ноги. Винъ, ны довго думавшы, руку въ полу та хватъ іи навидли—вона хотъ бы тригнулась: якъ ныжива стала. „А, попалася, голубко! постой же, я тебе проучу, бильшь ны будешъ людей лякаты!“ Взвалывъ іи на плечи и понисъ на вечерныци. Дивка, котора була въ сердцахъ съ парубкомъ, якъ тико побачила собаку, заразь же и взнала свою матырь та скорисъ додому, а тій уже сердешній видьми наклады стико влизло, а дали й передни лапы поодрубували. Такъ вона, кажуть, писля того николи и на мырь ны являлась, а дочка іи такъ и осталась дивкою: нихто ии й ны сватавъ (сл. Преображенная).

— Други людѣ бачъ сміютьця, а якъ я сама бачыла, такъ нехай крые Маты Божа! Уперве це було, ще я дивкою була не тутъ, а у батька. У мене була подруга, а іи маты—видьма, якъ схоче, такъ навиду пырыкынытыця. Я зъ иншымы дивчатамы та й полайся зъ тою, зъ видьминою дочкою, а стара почула та й кажи: „пидождитъ, я вже вамъ зроблю!“ Писля того въ ныди-

лю зибралысь мы, чимало дивчатъ и хлопцевъ, на ютыцю, вона и прыкрыннѣ-ся въ *сваню*, та така здорова, страшна, та якъ ахне на насъ,—мы вси роз-биглысь та въ хату за поригъ и перескочылы, а одынъ, бачъ, хлопецъ ны успивъ. Вона его догнала, якъ звале та й ну топтаты. Этоптала ему усю спыну и пыку, и выду ны зоставыла,—та й побигла. Той хлопецъ дви ны-дили прогаясь хворый: уси косточки болилы. А вона, бачъ, та баба—видь-ма ще нахваляетця: нехай ны чепляють мою дочку!—У друге то було, я вже бабою була, тутъ на Солёній. Та оця жъ моя соседка, вона-жъ видьмуе, та, бачъ, и полайся зъ покойнымъ моимъ зъ свекромъ. Съ того часу що ранокъ, що прийду коровъ доити, а вони уже подояни; я й думаю: потривай, по-гань, я вже тебе схпаю! Схпала ... дуже молода була. Настала ничъ, я пишла та й сила пидъ коморою, биля загороды. Такъ якъ о пивночи дыв-люсь,—бижыть *била собака* и дйныцю въ зубахъ держе, пидбигла до мене, взвызнула та пидняла свижу коровьичу гноину, та якъ плющне мени въ ви-чи и въ выдъ: весь передъ захлюскала гнємъ, и я якъ зкаминила: вона и коровъ здоила и пишла, а я все сижу,—просидила на одномъ мисти до сви-та. А якъ розввиднилось, тоди пишла въ хату, а та баба прыходе та ще сміетця: „чы спймала видьму?“

— А втрете оце въ торикъ було,—була мини прычына! Ихалы пидъ вечеръ зъ Маливки насъ четверо: тры мужыкы та я, два воза воламы, скрызъ дорога борознамы. Дывымось-бижыть надъ дорогою по борознахъ *стара сука*, а одынъ и каже: ото, братцы, видьма! та й крыкнувъ їй: „бижы, бижы, та-ка—сяка, ичъ опизнылась!“ Бачъ, насміявсь. Вона обырнулась,—тільки на воливъ глянула, якъ злякаютця волы, обыдвы пари, якъ брикнутъ та зъ до-рогы по борознамъ. Биглы, биглы, видьмы вже, бачъ, и не видно, а нашы волюкы усе дракуютьця. Довго попосаялысь мы зъ ными, покы вони до памя-ты прыйшлы. Люды калякають багато, а я кажу, що сама бачыла, а чого ны бачыла, то не скажу (хуторъ Нижній-Солёный).

— Поссорились двѣ сосѣдки; одна изъ нихъ и говорить: „будешъ ты ме-ня помнитъ!“ Какъ то разъ вечеромъ идетъ вторая изъ гостей домой, смо-трить-катится по дорогѣ *клубокъ* да прямо ей подъ ноги; она оттолкнула его да скорѣе въ ворота и захлопнула ихъ. „Счастье твое, что успѣла уйти, а то бѣ помнила меня!“ раздался голосъ изъ-за воротъ (сл. Ново-Глоховъ)

— Идетъ человекъ съ осиновой палкой въ рукѣ ночью домой, видитъ—катится мимо него большой *клубокъ*. Человекъ какъ ударить по немъ палкой—изъ клубка такъ и брызнула кровь и онъ исчезъ (тамъ-же).

— Иноди видьма *клубкомъ* оказуитця. Разъ одынъ чоловікъ ишовъ пизного вечера, а видьма котыця *клубкомъ*, та якъ дастъ ёму пидъ ноги, такъ той такъ и гепнувъ на спыну. Винъ тикы поднявсь, а вона его опять

та опяять. Та такъ его выпьвохувала, що винъ тико-тико живый додому добрався (сл. Преображенная).

— Видьма це така дрянъ, шо противъ ночи и згадоваты шкода, а то чого доброго прийде тварюка та й задаве. Мини була сторія. Идымо ми съ товаришомъ такъ уже вчеромъ, а треба вамъ сказаты, шо винъ полаявся на вечерныцяхъ съ одною дивчыною, а про ту дивчыну усе казали, шо вона видьма. Такъ оце мы йдымо, балакаемо. Дывымось,—бижыть *сучка*, така каторжна здорова, била, каплауха; а я и кажу товаришу: „дывысь, шо воно таке за собака?“—А я не знаю, каже. Ну, вона пробигла, нычого не зробыла, тико такъ ловко подывылась на товариша, шо ажъ у мене волосся дубомъ стало. А дали дывымось, шось спереду крутыця и бижыть прямо на насъ. Раздывылась, а то *выхоръ*, а въ тимъ выхри *клубокъ*. Якъ опырыще цей клубокъ мого товарища по спыни, винъ такъ ныркъ и урижыця обтземлю,—и въ другій и въ третій разъ а мене и не займа. Такъ винъ писля того трохы душу Богови не отдавъ. Такъ така-то сторія! На другой день погнавъ я волы до колодезя наповаты, и вона, та дивчына, выйшла воду браты та й смееця—каже: „шо вамъ було, дядичку, учора?“ А я кажу: шо жъ, ничого. „Э, не признаваетеся! нехай скаже спасиби вамъ—вы добрый чоловікъ—а то ему не такъ маялось зробыты: винъ бы у мене литавъ отымъбы выхремъ, та вы не отходите отъ его и его нельзя самого взаты.“ (хуторъ Маліевъ).

— Одынъ парынь поссорывся съ жинкою—видьмою; вона и задумала ему за то отомстыты. Отъ разъ йшовъ пизно вчеромъ той парынь изъ работы, якъ це де взявся здоровый *клубокъ*, прямо ему и бьетця пидъ ногы. И такъ здорово его бьвъ, шо винъ все падавъ, бигши додому. Добигъ до дому, тутъ пивни якъ засыпають, а той клубокъ хто й зна де дився. Парынь упавъ якъ разъ на порози и зробывся прямо, якъ мертвый; тутъ выйшла его мате та й пыта: чого це ты сыну? а винъ такъ перелякався, шо нычого й не каже. Такъ тоди вже писли бабы и кажутъ: „бачъ, це видьма хотила, щобъ его убыты“. А винъ такы долго тоди прохваравъ, а потимъ того его бабки вылычыли (сл. Ново-Осинова).

— Одынъ чоловікъ пизно вчеромъ йшовъ на бакшу ночувать и нисъ на плечахъ мишокъ съ хлибомъ и пшономъ. Вдругъ якъ загуде коло нигъ у того чоловіка, винъ глядь, а воно *клубокъ* котыця подорози. Винъ тоди и дума: „оце кстати клубокъ найшовсь, озьму его на бакшу и употреблю на загороду, щобъ птыця на бакшу не литала“. Узывъ той клубокъ и положивъ у свій мишокъ и йде дали. Пырыгодя, якъ грызне его шось за шыю; винъ мишокъ на землю, а зъ мишка выскочила *книшка* та хто й зна де дилась (хуторъ Егоровка).